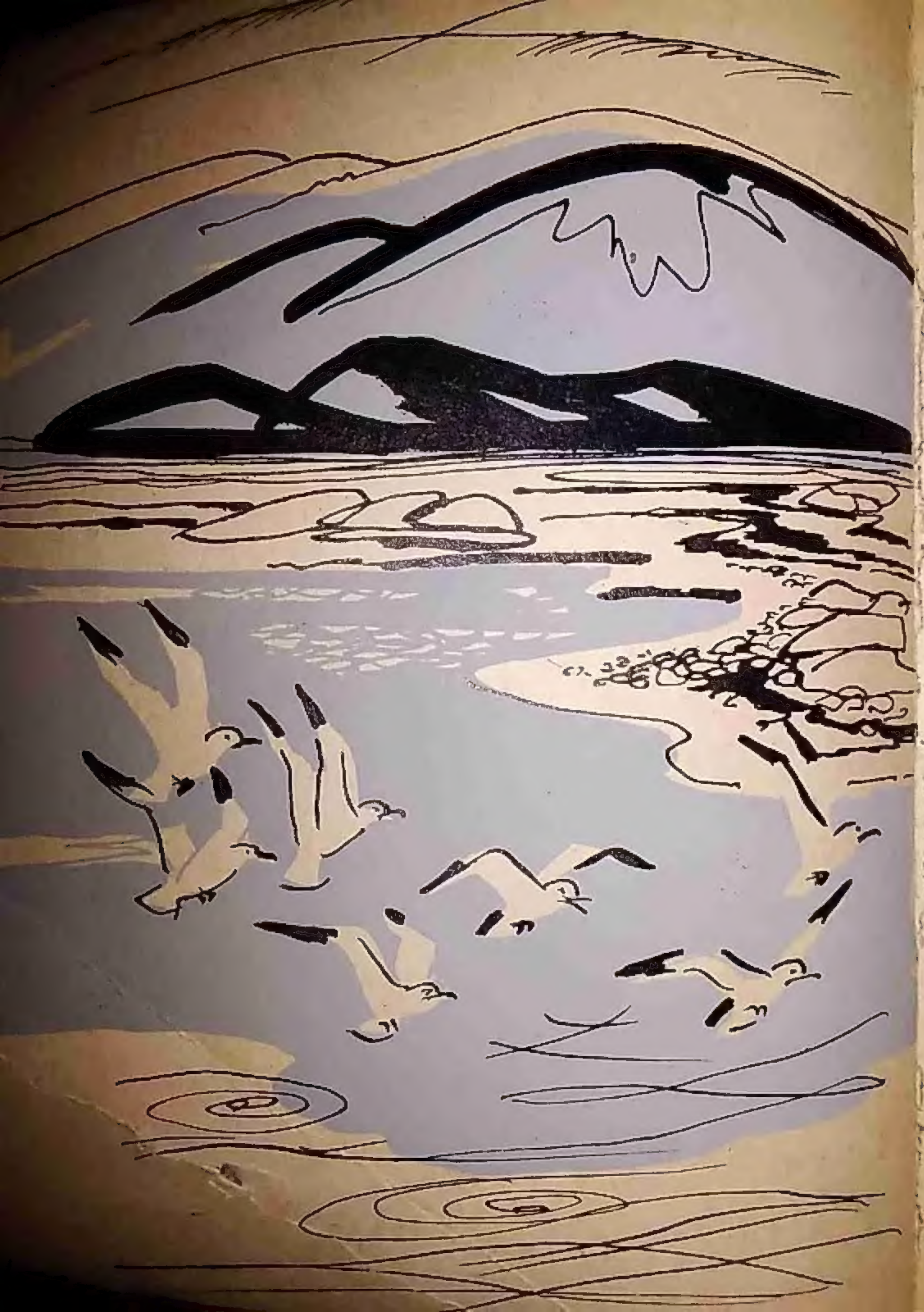
Владимир Данилов

БРАТЕЛКИ

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

Владимир Данилов

БРАТЕЛКИ

РАССКАЗЫ

Рисунки Т. Васильевой

Петрозаводск «Карелия»
1987

Р2
Д18

Данилов В. М.

Д18 Брателки: Рассказы. — Петрозаводск: Карелия, 1987.— 96 с.

Автор сборника — большой любитель природы. Его рассказы воспитывают бережное отношение к окружающему нас миру, учат понимать его. Ребята познакомятся с работой геодезистов, ихтиологов, зоологов, рыбоводов.

Книга поможет юному читателю в выборе профессии.

Д $\frac{4803010102-004}{М127(03)-87}$ 62—87 Р2

БРУСНИЧНАЯ ПОЛЯНКА

Когда на старых березах появляются первые желтые пряди, я укладываю в рюкзак корзинку, закидываю за плечо старенькую «ижевку» и отправляюсь на сельги к Петручью. Уж где-где, а на вырубках, что тянутся до самого Онего, брусники всегда вдоволь.

Есть у меня там, на левом берегу ручья, заветная полянка. Посреди нее стоит полутораметровый еловый пень. Кора на нем давно уж обвалилась. Серый витой ствол источили жуки. Но смолистый обломок могучего дерева стойко держится. Омытая дождями и иссеченная зимними буранами древесина сверкает на солнце серебристым блеском.

По всей полянке сплошным ковром кустится брусничник. И в урожайный год ягоды здесь было столько, что набирал я целую

корзинку. Самые крупные гроздья зрели вокруг пня. Даже в засушливый год старый пень украшался к осени ярким ожерельем пунцовой брусники.

Прошлое лето выдалось на редкость сухим. Ягод в окрестных лесах было мало, а выбраться на Петручей мне все не удавалось. Лишь в конце сентября я выкроил время, чтобы наведаться в свой лесной заказник.

Когда автобус, с которого я сошел, поворчав, будто недовольный, что я не еду дальше, скрылся за поворотом и затих, я спустился к ручью и зашагал берегом.

В тенистых зарослях было свежо. Сиреневым переливом на солнце сверкали паутинки. Молодые синицы тарахтели еще не окрепшими голосами.

До заветной полянки оставалось каких-то полкилометра, как вдруг на илистом берегу омутка я заметил широкий медвежий след. Он был настолько свеж, что я невольно начал вслушиваться, не трещит ли поблизости валежник. Но вокруг суетились одни синицы.

Пройдя еще немного, я нашел развороченный ствол трухлявой осины. «Значит, хозяин побывал и здесь, — мелькнула мысль, — но где-то час тому назад, не меньше. Над такой валежиной потрудиться — время надо».

Потом я нашел сорванную медвежьей лапой кочку, сдвинутый камень. И тут я понял: медведь-то идет моим путем — прямехонько к брусничной полянке.

Я пошел как можно тише. Думаю: если он моей брусникой лакомится, сгоню — полянка-то моя.

Еловый пень я увидел издали. Выйдя на край поляны, стал приглядываться к кочкарнику. Так оно и есть, здесь побывал уже Топтыга — на брусничнике гроздья объедены, лишь кое-где виднелись две-три ягодки. И только возле пня алели крупные гроздья спелых ягод.

Я прислонил ружье к обломку ели, сбросил рюкзак и начал было доставать корзинку, как мочку уха вдруг пронзила острая боль. Я дернул головой и у самого лица увидел гудящую осу. В ту же секунду надо мной закружился целый рой.

А из-под камня все поднимались осы. Я закрыл лицо рукавами куртки и отпрянул в сторону.

Превозмогая острую боль, издали разглядывал я свой пень и только тут заметил, что ружье и рюкзак остались возле него. Чтобы взять свои пожитки, придется снова пробиваться через этот гудящий рой. Не ждать же мне, пока угомонятся осы.

Была не была! Стягиваю с себя куртку, накрываю ею голову и руки, во всю прыть лечу к пню и хватаю оставленное добро. Краешком глаза успел заметить, что возле пня между корней

ободран мох и на бурой земле лежит разваленный серый шар осиного гнезда.

Лишь под мохнатыми елями на берегу Петручья, где удалось обмыть распухшее ухо, я спокойно обдумал все, что произошло. До меня медведь наведался на брусничную полянку. Объел все ягоды вокруг, пока не добрался до пня. Тут он разворошил осиное гнездо, и осы прогнали его, не допустив до самых сочных ягод. Меня они, конечно, приняли за Топтыгина и дружно принялись отстаивать свой дом. Так за чужой разбой досталось мне.

В ту осень еловый пень остался зимовать в брусничном ожерелье.

ВОРОНЬИ ЗАБАВЫ

Удивительное время — начало весны. Все вокруг залито светом. Светятся сырые сугробы, светится молоденький березняк, светится вода в только что появившихся лужах.

О начале весны первыми возвещают наши птицы-зимовщики.

«Ти-ти-тень, ти-ти-тень!» — с утра до вечера распевает большая синица, словно торопится всех оповестить: «День, день, день прибывает! Весна идет!»

Синице вторит желтенькая овсянка. Всю зиму провела она в компании с воробьями, даже чирикала почти по-воробьиному. А с наступлением весны вспомнила, что сама петь умеет, и залилась.

Но самое удивительное, что весна заставляет петь даже разбойницу ворону.

Как-то в середине марта был я на рыбалке в Утуках. Утро выдалось теплое, солнечное — лучшей погоды не надо.

Вышел я на озеро. Под ногами снежная корочка хрустит, льдинки звенят. Озеро не широкое, зато в длину на добрый километр вытянулось. А по берегам — поля да березовые рощи.

Я решил пройти в дальний конец озера. Там берега тростником заросли, а где тростник — щука водится. Кто знает, может, ей мои блесны по вкусу придутся.

Иду и думаю: «Не напрасно ли тащусь в такую даль? Может, рыба именно тут, где я сейчас топаю».

Выбрал подходящее местечко, продолбил лунку во льду и донку закинул. Не успел глубину как следует измерить — поклевка! Вытащил окунька.

«Ну, — думаю, — дело пойдет. Рыба голодная, за долгую зиму по червям истосковалась, начнет клевать — только успевай вытаскивать».

Однако не тут-то было! Первый мой окунек оказался и последним. Я перенаживлял червя, менял мормышки, но рыба никак не хотела брать приманки. Все чаще стал я поглядывать в конец озера, где рос тростник, и наконец решил: «Ладно, пробью еще лунку неподалеку и тогда пойду».

В новой лунке мне повезло не больше, чем в первой. Едва забросил донку, как из глубины выплыл большущий жук-плавунец. Он медленными кругами стал плавать в лунке, то и дело задевая своими лапками леску. Жилка вздрагивала от прикосновений плавунца, а мне казалось, что это поклевка. Я вытаскивал крючок и убеждался, что никакой поклевки не было.

Осторожно поддев плавунца черпаком, я вынул его из воды и стряхнул на снег. Таких больших плавунцов я никогда не видывал. Он был величиной со спичечную коробку и, наверное, всем жукам, которые жили в этом озере, доводился дедушкой.

Вдруг донка выпала у меня из рук. Я быстро схватил удилище и подсек. Еще один окунек заплясал на снегу, то переворачиваясь с боку на бок, то становясь на хвост.

Закинув снова удочку, я стал ждать новой поклевки. И тут с берега до меня донеслись незнакомые звуки: «Тик-круа, тик-круа». Я оглянулся.

На вершине старой березы сидела ворона. Она то поднимала голову, то опускала ее, уморительно приседая при этом. «Тик-круа, тик-круа», — распевала, кланяясь, ворона. И странно было вместо разбойничьего зычного карканья слышать эту весеннюю, приятную песню. Я потихоньку смотал донку и зашагал в конец озера — пусть себе поет ворона, не буду ей мешать. А сам удивляюсь: «Ишь когда надумала петь, серая, в самом начале весны! Будто понимает, что скоро с юга настоящие солисты прилетят — скворцы, дрозды, жаворонки, с которыми ей, вороне, тягаться не по силам. А сейчас пой сколько душе угодно, никто не засмеет».

На новом месте меня ждала удача. Правда, щуку я так и не поймал, но плотвы и окуней потаскал вдоволь. Я так увлекся ловлей, что совсем забыл о музыкальной птице. А когда вспомнил, то увидел возле первых лунок уже двух ворон. А ведь я там окуней оставил!

— Эй вы, кыш! — крикнул я и захлопал в ладоши.

Но расстояние до лунок было порядочное, и вороны не испугались моего крика. Одна из них остановилась и посмотрела в мою сторону.

Потом обе вороны снова взлетели на ту же березу и принялись раскланиваться. Я догадался, что концерт продолжается, теперь вороны поют дуэтом.

Когда я закончил рыбалку и вернулся к своим первым лункам, то окуньков там уже не было. Не было и жука-плавунца. Вот какую плату взяли с меня вороны за весенний концерт.

ПРИХОДИ ВЕСНОЙ

Лишь только весна растопит снега и откроет пути-дороги, охотники спешат попасть в свои заповедные места.

Один, прихватив утиные чучела и подсадную крякушу, торопится на заветное лесное озерко. Другой пробирается через шумящие вешними потоками лесные овраги к болоту, где уже не первый год стоит его терем-теремок из побуревших от времени еловых веток и где на заре разгораются жаркие тетеревиные бои. Третий уходит за тридевять лесов и за тридевять озер. Там, далеко-далеко, где-нибудь на краю мохового болота растут сосны с бронзовыми стволами и корявыми раскидистыми сучьями. А на этих соснах в ночных сумерках поют глухари.

Есть свои заповедные места и у меня. Вот что произошло со мной в одном из таких мест.

Осень выдалась в тот год странная: грибов — носи не переносишь, а на ягоды неурожай. Черника не уродилась, голубика и брусника тоже. И лишь клюквой все болота забиты, так же как лес грибами.

Решил я на зиму хоть клюквой запастись. Взял необъятную, похожую на сундук плетеную корзину и уехал на два дня в Нимозеро. Вокруг этого заброшенного хутора, затерявшегося среди сосновых лесов и бесчисленных озер, было немало моховых зыбучих болот, усыпанных хрусткой, уже прихваченной первым морозцем клюквой.

Ночь я провел на хуторе в пустом доме. А едва начало светать на дворе, я уже хлопотал у печи. Быстро разжег огонь, согрел чай и с первыми солнечными лучами зашагал к огромному, протянувшемуся на добрых три километра, болоту, которое начиналось неподалеку от хутора.

На таком обширном болоте, затерявшемся среди лесов, меня всегда охватывало чувство неведомого, будто вот сейчас мне откроется такое, чего до меня еще никто не видел.

Однажды я и правда сделал маленькое открытие. Выйдя из леса на край болота, я присел за деревом и стал биноклем обшаривать крохотные озерки, которые, словно кляксы голубых чернил, были разбросаны по всему болоту. Возле одного такого озерка я увидел птицу. Она как изваяние неподвижно стояла на своих длинных ногах. Голова ее была втянута в плечи, отчего птица казалась сутулой.

Прячась за деревьями, я краем болота стал подкрадываться к птице. Но она уже заметила меня, расправила крылья и улетела. Это была серая цапля. Я очень удивился, что редкая даже для средней полосы птица смогла залететь так далеко на север.

Вот и теперь я подходил к болоту все с тем же настороженным чувством. Ветви елочек и сосенок царапали меня и гулко стучали по стенкам корзины. Казалось, от этого шума все живое облетит и оббежит тебя за версту.

На окруженных водой кочках расположилась целая колония чаек, в продолговатых, похожих на канавы бочажинах плавали утки. Я стоял на лесистом бугорке и переводил бинокль с одной кочки на другую — осматривал берега двух небольших ламбушек.

Корзина валялась на земле. О клюкве я совсем забыл.

Солнце уже поднялось над лесом. Засверкала водная гладь крохотных озерок и ламбушек. Вдруг легкий порыв ветерка донес до моего слуха хорошо знакомую весеннюю песню тетерева-токовика, которая лесным ручейком журчала вдали, замирала на миг и вновь, набрав силу, неслась по обширному болоту.

Осенний ток тетеревов — не новость для охотника. Ясным осенним утром черныши не прочь позабавиться и вспомнить свои весенние песни. Но осенью они поют уже не так азартно, как весной, а до драк дело и вовсе не доходит. Оно и понятно, не хотят тетерева к зиме друг у друга перья щипать. Ведь всю долгую зиму им вместе жить придется, спать под снежным одеялом и сообща от лисьих зубов да куньих когтей спасаться.

Я вновь взялся за бинокль. На противоположной стороне в болото острым клином вдавалась поросшая стройными соснами коса. Неподалеку от нее на моховых кочках темнели птицы. Одни не спеша кормились ягодами, другие, распушив хвосты, самозабвенно пели.

— Лы-лы-лы-лы-лы, — доносил ветер частые переливы тетеревиной песни. А я стоял и все слушал, слушал... «Интересно, будут ли здесь тетерева весной токовать или у них есть другое токовище?» — подумал я, присев на бугорок.

Над болотом по-прежнему лилась загадочная тетеревиная песня: «Лы-лы-лы-лы-лы...» И мне казалось, что я отчетливо слышу в ней слова: «Приходи весной, приходи весной, приходи весной!»

...Прошла дождливая скучная осень, за нею сумеречная морозная зима. Наконец солнце растопило снега, и проворные ручейки устремились к своим сестрам-рекам. Послушал я переливы ручейков — ну точь-в-точь как тетерева поют. И тогда вспомнил я о приглашении, собрал рюкзак, захватил ружье — и в Ним-озеро.

Ночь провел на той самой сосновой косе, против которой осенью пели тетерева. Признаться, думал, что из моей затеи ничего не выйдет — нет здесь никакого тока. Да и тетерева, наверное, за долгую зиму позабыли о своем приглашении.

Но едва в ночи наметился перелом, как с болота раздалось бодрое и молодецкое «чуф-ши!» Затем еще и еще... Казалось, будто невидимые певцы, расшаркиваясь друг перед другом, любезно предлагают начать концерт.

Наконец один осмелился и завел журчащую песню. Ее тотчас подхватил целый хор невидимых в темноте птиц. Временами тетерева заканчивали пение залихватским росчерком: «Куккарэ», а потом начинали все сначала.

Когда рассвело, я насчитал поблизости более двух десятков птиц. Их стало больше, чем осенью. На этот раз на ток прилетели и тетерки.

Я радовался, что не зря приехал сюда. К вечеру мой новый шалаш стоял уже неподалеку от центра тока, и я ждал, когда вновь начнется тетеревиное игрище...

Теперь в этом шалаше я встречаю каждую весну.

ОХОТНИЧЬЕ СЧАСТЬЕ

Стоит человеку с ружьем и рюкзаком за плечами войти в вагон или автобус, как тотчас лица пассажиров обратятся в его сторону и засветятся чисто детским любопытством.

— Охотник!

— А в мешке-то, видать, добыча.

— Да он, кроме своих ног, ничего не убил. Вон какой грустный.

— И не грустный вовсе, а усталый. Одно слово — охота.

Догадки строят самые различные, пока наконец кто-нибудь не подойдет к охотнику и не заведет с ним разговор.

И пусть охотник подчас возвращается домой без добычи, он найдет о чем рассказать своим добровольным слушателям.

...Мы с Семенычем сели в автобус в Кутижме. Старик сразу же забился в угол на последнее сиденье и хмуро уставился в окно.

Промелькнули за окном последние дома поселка, смолкли среди пассажиров шепотки на наш счет, и тут парни, сидевшие перед нами, как по команде обернулись.

— Ну, как охота? — спросил один.

Семеныч насупился и неопределенно хмыкнул, а я похлопал рукой по рюкзаку:

— Три утки.

Парни оживились. Видя, что старик не желает поддерживать разговор, они принялись расспрашивать меня.

Когда я ответил на обычные в таких случаях вопросы: «Где охотились, много ли на Кутижозере утки, холодная ли была ночь?», один из парней наклонился ко мне поближе и шепнул:

— А что папаша такой невеселый?

Парни так участливо поглядели на старика, что я не удержался и поведал им про охотничье «счастье» Семеныча.

...Переночевав у костерка и дождавшись серых сумерек рассвета, мы отправились берегом к одной из озерных губ. Еще с вечера мы поставили там шалаш, в котором по уговору должен был сидеть Семеныч.

Мне отводилась более скромная роль: гонять уток в других губах озера.

Пока Семеныч устраивался поудобней в шалаше, я выставил на воду гоголиные профили, пару резиновых крякуш и деревянное чучело шилохвости.

Пожелав Семенычу ни пуха ни пера, я отправился по берегу искать утиные табунки.

В небольшой озерной губе в полукилометре от шалаша увидел первую стайку. Два выстрела принесли мне всего одну морянку. Подобрав добычу, я снова принялся за поиски.

Прошло около часа с тех пор, как я покинул шалаш. И тут над озером раскатился гулкий дуплет. Минут через пятнадцать — снова выстрел.

«Ого, — подумал я, — так, пожалуй, дед обстреляет меня».

Но больше выстрелы не повторялись. Я добыл еще морянку и крохаля и довольный зашагал обратно.

У шалаша дымился костер. Семеныч кипятил чай.

— Ты-то хоть что-нибудь подстрелил? — встретил он меня вопросом.

— Ага! — радостно сообщил я. — Во — три штуки!

— Ну, и то дело, — буркнул Семеныч, — а у меня пшик.

— Как так? — удивился я. — Ведь ты ж стрелял.

— Добро бы я, а то... — старик в сердцах махнул рукой, — погляди-ка чучела как разделали.

Я подошел к шалашу. Возле него лежали остатки чучел.

Гоголиные профили были разбиты вдребезги и стали похожи на ощетинившихся ежей — видно, дуплет пришелся как раз по ним. Резиновой крякуше оторвало голову и распороло спину. Она напоминала старую, давно выброшенную галошу. Ей-то и досталс одиночный выстрел.

— Да-а, кучно дробь легла, — пошутил я.

— Ить вот же человеки, — прорвало вдруг старика. — Дитю и то ясно, что утки ненастоящие, так нет же. Один подползбабах из двух стволов. Я кричу: «Что ж ты делаешь, такой-сякой! Давай свой охотницкий билет, я тебя к егерю за такие проделки сведу». А он — шасть в лес и был таков. И мужик-то в годах...

Дальше сижу, — снова палят по моим чучелам. Теперь уже парень молодой. «Прости, — говорит, — папаша, за настоящих уток принял». И деньги мне за разбитую крякушу сует. Прогнал я его. «Охоту, — говорю, — за деньги не купишь. Смотреть надо, куда палишь».

Вот так и сижу без пуха и без перышка.

Ну ладно, пей-ка чай, да пошли. Больше я на это озеро не ездок. Неграмотные тут охотники. На таких чучел не напасешь...

Пока я рассказывал, парни все время сдерживали улыбку, видать, не хотели откровенным смехом обижать старика. Вскоре автобус подошел к станции и остановился.

Прощаясь со мной, Семеныч сказал:

— Так ты готовься. В следующий выходной опять на Кутиж-озеро поедем. Утка там все-таки есть.

БРАТЕЛКИ

Едва наша палатка приютилась на скале, что прикрывает село с севера, к нам пришел Вовка. Тим заметил его стриженую голову еще издали.

— Делегат муниципалитета пожаловал, — сказал он. — Готовься встречать на высшем уровне.

Вовка деловито подошел к палатке и, глядя, как Тим ломает одну спичку за другой, пытаясь на ветру разжечь костер, спросил:

— Туристы?

— Да нет, в отпуск приехали, — ответил я.

— В отпуск? — удивился Вовка. — Так почему же в избу не идете?

— Гм! — хмыкнул Тим, бросая очередную загашенную ветром спичку. — А чем, уважаемый юноша, это не изба? — спросил он, тыча полупустым коробком в сторону палатки.

— Так в вашей парусине темно и людей нет, — понятно и просто объяснил наш гость.

— Как это людей нет? — воскликнул Тим и полез в палатку. Не успели его кеды накрыться пологом, как за зелеными стенками палатки тысячи голосов слились в сплошной гул, которым футбольные болельщики выражали восхищение любимой командой.

— Ну что? Вон сколько людей, пол-Москвы! — радостно сообщил Тим, выбираясь наружу.

— Так это же транзистор, — разочарованно протянул Вовка.

Что с транзистором не поговоришь, Тим тоже прекрасно понимал. Недаром же он вынес из палатки стеклопластиковый спиннинг с безынерционной катушкой, набор блесен в зеленой пластмассовой коробке и никелированный топорик.

Он хвастал своими драгоценностями и на каждый Вовкин вопрос сыпал словами, словно горохом из худого решета.

Я разжег костер и вскипятил чайник. Разлив по кружкам чай, пригласил всех к столу — широкому и плоскому камню. Пока

Тим делал себе бутерброд, Вовка взобрался на каменный уступ, и мы услышали его радостный возглас:

— А вот и «брателки»!

— Кажется, к нашему другу подкрепление идет, — шепнул Тим.

Но Вовка стоял на своем уступе и глядел в море. Мы недоуменно переглянулись. Тим, оставив свою кружку, поднялся к Вовке.

— Во-он два камня рядом, — пояснил Вовка. — Это и есть «брателки». В большую воду они одинаковые, как две макушки. А на отливе — остров как остров, пройдешь на карбасе рядом и не заметишь.

Я тоже взошел на скалу и, слушая рассказ нашего нового знакомого, смотрел на камни. Их одинаковые треугольные вершины и в самом деле отодвинулись от острова. Они торчали над водой, словно горбы верблюда.

Был час полуденного прилива. Усилившийся ветер гнал с моря крутую волну. Подкатываясь к «брателкам», волна вздымалась и белой гривой оседала на плечах камней-близнецов. Казалось, что именно эти два камня и разбивают все волны, бегущие к берегу. Может, поэтому гридоне[1] и назвали их так ласково — «брателки».

— Мы возле «брателок» рыбу ловим, — сказал Вовка.

— Какую рыбу?! — Мой Тимофей вдруг обнял паренька за худенькие плечи и повернул к себе лицом. — Нет, ты не врешь? И вправду ловите? Какую? — затараторил он.

— Разную, — невозмутимо ответил юный гридонин. — Больше треску. А так камбалушки попадают, наважка и зубатка есть. Только вы, дядя, если с зубаткой дела не имели, поосторожней когда с крюка снимаете, мигом без пальца останетесь.

— А много можно поймать? — продолжал наступление Тимофей.

— Сколько надо, столько и поймаете, — ответил Вовка.

— Да нам только на варево-жарево. Лишь бы клевало...

— Хоть ящик, ведь вас же двое, управитесь, — заверил Вовка.

Но это заявление паренька начисто охладило рыбацкий пыл моего приятеля.

— Что-о? — протянул он. — Эх, паря, я к тебе с душой, а ты мне голову морочишь. Скажешь тоже — ящик! Ладно, идем чай допивать...

— Да, пока мы глазели на твои булыжники, чай совсем остыл, — недовольно пробурчал Тим.

[1] Гридоне — так поморы называют жителей села Гридино.

Вдруг над самой головой раздалось бодрое «пилит-пилит-пилит».

Я глянул вверх. Три кулика-сороки медленно пролетели над нами.

— Видишь, Тим, — рассмеялся я. — Даже птицы тебе удивляются: «пилит и пилит».

Вовка улыбнулся.

— Не то кривец[1] говорит. Это когда на тоне[2] рыбаки проспят, то кривцы кричат: мол, вставайте — и чай кипит, и невод похожать пора. Слышите, как кривец выговаривает: «кипит-кипит-кипит».

После трапезы Тим сказал мне:

— Ты сходи в колхоз и найми ялик. Мое дело достать лопату и накопать червей. Чем черт не шутит, может, парнишка и не врет, может, рыба и в самом деле сама в лодку прыгает.

В правлении колхоза был обеденный перерыв. Я прошелся по дощатым мосткам вдоль села, потолкался в магазине, посидел на причале. По Гридинскому заливу сновали моторки. Широкие доры, загруженные с верхом кипами сушеных водорослей, причаливали к складу. А над заливом парили белоснежные чайки.

Потом пришел колхозный завхоз Геннадий и отрядил мне ялик. Это оказалась довольно прочная смоленая шлюпка. Но едва я оттолкнулся от берега, как ялик ходуном заходил подо мной, готовый каждую секунду перевернуться. Я тотчас плюхнулся на скамейку и застыл как изваяние. Ялик успокоился, потом медленно начал разворачиваться и поплыл вдоль берега. Я понял, что начался отлив и вода из залива устремилась в открытое море.

Настроив весла, я погнал ялик за мыс, в лагуну, где Тим уже должен был копать червей.

Я не торопился. То и дело весла повисали над бортами. Склонившись над прозрачной водой, я рассматривал дно.

Валуны обросли желтыми кустами фукуса. Водоросли, повинуясь течению, вытянулись в одну сторону. На чистых камнях неподвижно застыли оранжевые и сиреневые морские звезды. Вдруг один из камушков ожил. Края его затрепетали, словно крылья большой бабочки. Видение исчезло. Я успел разглядеть, что это была камбала. Видно, тень моего ялика испугала рыбу, и она устремилась в глубину.

Пока я добирался до лагуны, вода уже на несколько десятков метров ушла от берега, обнажив илистое дно. Мой приятель усердно орудовал лопатой. Весь ил был разворочен.

---

[1] Кривец — поморское название кулика-сороки.
[2] Тоня — рыбацкое становище, место лова.

В руках Тим держал две банки. В одной — песчаные ракушки, в другой — на донышке десяток червей-пескожилов.

— Где ты прохлаждаешься! — напустился на меня Тим. — Я тут без тебя столько червей упустил. Пока лопатой подцепишь, он уже в преисподнюю удрал.

Но и с моей помощью дела пошли не лучше. Пескожилы, видимо, чувствовали колебание почвы под нашими ногами и успевали юркнуть в свои подземные ходы.

Наконец Тим взмок окончательно.

— Ладно, кончай земляные работы, — решительно заявил он. — На первый раз хватит. А там можно снова подкопать.

...Вечерняя зорька только началась, когда мы выехали на ловлю. На носу ялика, сверкая новенькой фанерой, стоял ящик. Тим хоть и не очень верил Вовкиным словам, но все же сбегал к магазину и выпросил вот этот ящик — «для продуктов», как объяснил он продавцу.

Пока я неторопливо подгребал, Тимофей, свесившись над бортом, уставился в воду. Увидев звезду, он взмахнул руками, отчего ялик заходил ходуном.

— А водорослей-то, водорослей сколько! Смотри — медуза!

Транзистор, болтавшийся на шее Тима, уже дважды касался воды. Но приятель не унимался до тех пор, пока берег не отодвинулся и не началась глубина.

Через полчаса мы добрались до «брателков». Тим опустил на дно якорь и начал настраивать транзистор.

— Может, тебе ящик подать? — напомнил я ему.

— Погоди, до него еще черед не дошел...

За островом было полное безветрие. Зеркало воды плавно вздымалось и опускалось. Казалось, море разморилось на солнце за долгий июльский день и дышало ровно и умиротворенно. И музыка, которую Тим поймал по приемнику, была нежной и мелодичной, словно далекий оркестр не хотел нарушать покой уставшего за день моря.

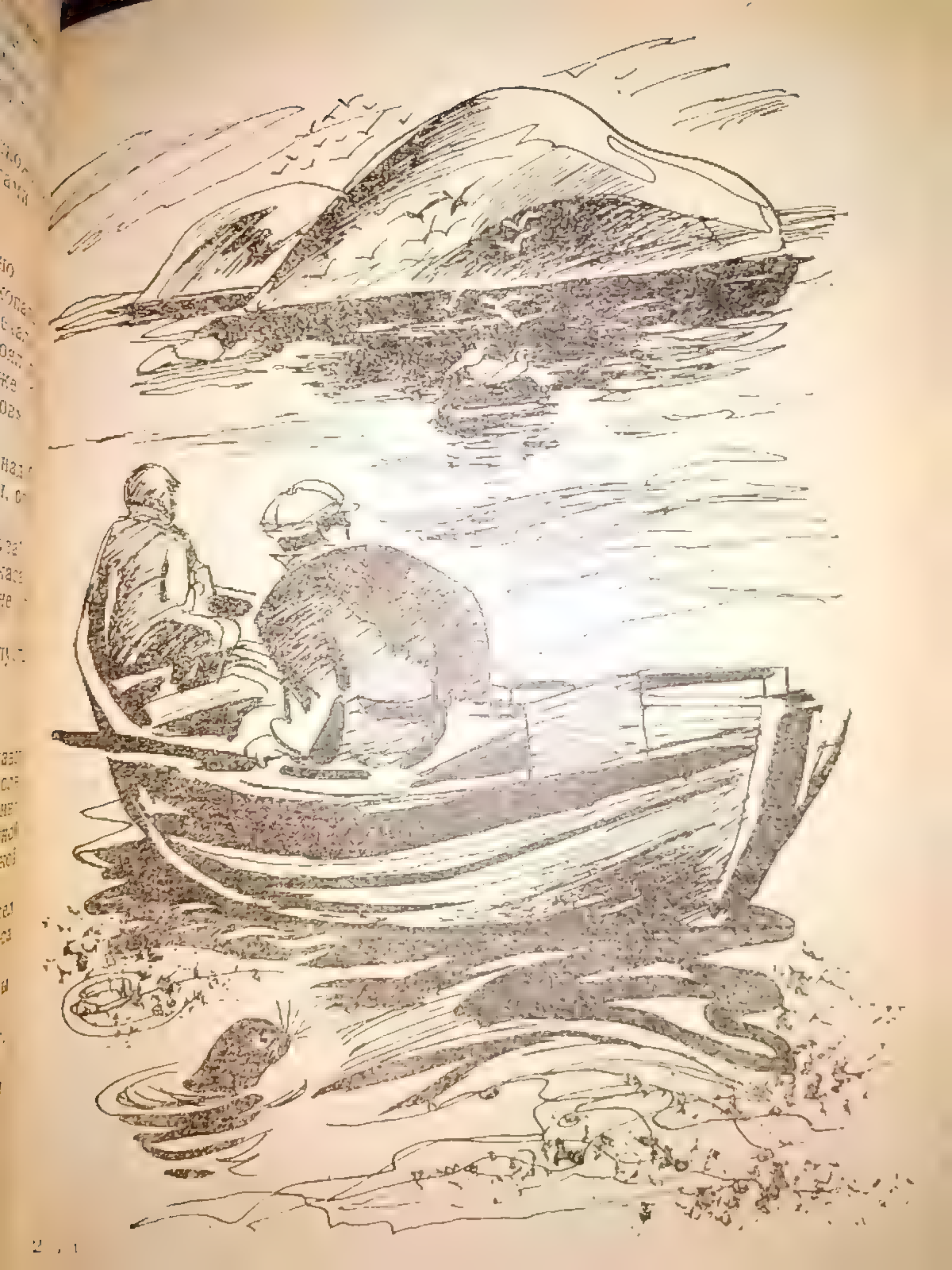
Я нацепил на крючок донки червя и закинул снасть. Не успел груз добраться до дна, как я почувствовал мощный рывок и леса туго натянулась. Ялик качнулся.

— Полегче, тоже мне, рыбак, — заворчал Тим. — Тебе бы только на скале сидеть...

Я пропустил это замечание мимо ушей и начал выбирать лесу. Когда треска забилась на дне ялика, мой друг засуетился:

— Давай ящик! Смотри, какая рыбина! Что ж в магазине они такие серые?

Я тоже разглядывал красивую рыбу. Ее коричневая спина с зеленоватым отливом сверкала на солнце, а под нижней губой трепетал маленький ус.

Тим схватил первую попавшуюся под руку донку и тоже забросил. Через несколько мгновений он дернулся так, что ялик вздыбился, словно его подняла большая волна.

— Ага, есть! — прохрипел Тим и заработал руками, вытаскивая снасть. На крючке была крохотная тресочка. Тим умиленно причмокивал, расправлял плавнички и разглядывал узор на спине рыбки.

Вовка Мехнин оказался прав — рыба клевала не переставая. Когда мы опомнились от этой удивительной рыбалки, дно ящика было уложено треской и навагой.

Солнце стояло еще довольно высоко. Казалось, вечер и не собирался наступать. На «брателках» сидели сутулые кулики-сороки. Их черные сюртучки, оранжевые носы и лапки отражались в тихой воде.

Вдоль острова плыла серая гага. Она огибала каменные выступы и зорко поглядывала в нашу сторону. Наверно, на острове были спрятаны ее птенчики-пуховички.

Тим развалился на корме, блаженно попыхивал трубкой и крутил настройку транзистора.

— Монти. «Чардаш» — объявил диктор, и через секунду над «брателками» полились грустные и задумчивые звуки чудесного венгерского танца.

В эти минуты и каменная твердыня острова, и могучее безбрежное море, край которого в дрожащей дымке переходил в небосклон, и поющие звуки скрипки словно слились в одно целое. Они, казалось, дополняли друг друга.

Не знаю, сколько минут мы сидели неподвижно, как кривцы на «брателках», очарованные спокойствием моря, строгостью скал и нежным пением скрипки. Вдруг Тим прошептал:

— Смотри! — и едва заметно повел головой.

Метрах в двадцати от ялика над водой торчала голова тюленя. Его темные глаза были широко раскрыты.

Как он оказался возле лодки, без всплеска, без волны, было непонятно.

Мелодия чардаша стала убыстряться. Скрипка запела громче, стряхнув задумчивость и грусть. При этих звуках морской зверь вытянул шею и словно приподнялся в воде на невидимую ступеньку. Казалось, он вбирал в себя каждую ноту.

Мы боялись пошевелиться, разглядывали это живое диво, которое крошка транзистор открыл нам у «брателок».

А звуки скрипки уже закручивались каруселью — приближался финал чардаша. Наконец прозвучали три последних аккорда, и скрипка смолкла. Тюлень не шелохнулся.

Тим лихорадочно крутнул колесико настройки, пытаясь найти новую мелодию, и тут из транзистора вырвалось: «Хусаинов

проходит по краю, удар, го-о-ол!» Затем водопад криков, топота и свиста восторженных болельщиков обрушился на море.

Я глянул на воду. Тюлень исчез, будто его никогда здесь и не было.

Тим долго рыскал по эфиру, предлагая нашему морскому гостю то песню, то эстрадный концерт, но старания его были напрасны. Тюлень больше не появлялся. Видно, он был ценителем скрипичной музыки.

«Кипит-кипит-кипит!» — звонко прокричали кривцы и сорвались с «брателков». Они потянули вдоль берега к рыбацкой тоне.

Нам тоже пора было возвращаться к палатке и готовить ужин.

Две недели мы рыбачили рядом с «брателками». Иногда между островками мелькала голова тюленя, но был ли это наш ценитель музыки, мы не знали.

За день до отъезда к нам пришел Вовка — попрощаться. Тимофей отдал нашему гридинскому другу все блесны, которые так и не пригодились, и донки.

...Когда самолет, пробежав по заливу, поднялся в воздух и стал разворачиваться над морем, Тим прильнул к окошку. Я тоже глянул в круглое оконце. Внизу, оттолкнувшись от островка, на синем поле воды стояли «брателки». Начинался прилив.

МОЯ РЫБА

— Таких пассажиров мне возить еще не приходилось, — сказал летчик Лахтаев и с нарочитой серьезностью добавил: — Вы уж посматривайте за ними, чтобы без баловства, а то вон они какие шустрые.

Еще бы! Не всякому летчику на маленьком гидросамолете доводилось поднимать в воздух разом десять тысяч пассажиров.

В салоне самолета был установлен громадный брезентовый чан, заполненный выгской водой, — в нем предстояло перевезти выращенных на рыбоводном заводе двухгодовалых семужат. Едва первые рыбешки попали из садков в чан, они принялись резвиться, стремительно проносясь вдоль стенок необычайного аквариума. Красные пятнышки, которыми разукрашены бока семужат, вспыхивали то здесь, то там искрами необыкновенного костра. Наконец погрузка была закончена. Палыч — так звали старшего рыбовода — подключил резиновый шланг к кислородному баллону и опустил распылитель в чан. Хотя в нем было не менее шес-

тисот литров воды, но без кислородного обогащения рыбешки могли задохнуться. Мелкие пузырьки кислорода серебристым бисером пронизывали толщу воды и исчезали на поверхности. Семужата чувствовали себя неплохо. Они то собирались массой у распылителя, то в непонятном танце кружились вдоль брезентовых стенок чана.

— Поехали, — деловито сказал пилоту Палыч.

Взревел мотор. Самолет оторвался от Выгского плеса, и вскоре под крылом поплыли сосновые рощи Сосновца. Я прильнул к окну и на какое-то мгновение забыл о наших необычных пассажирах.

Взглянув под ноги, я увидел, как по полу в несколько струй растекается лужа. Видимо, часть воды выплеснулась из чана в момент взлета. Толкаю в бок Палыча, но тот махнул рукой — мол, пустяки, ничего страшного, хватит им воды.

Успокоенный, я до конца полета смотрел в окно. Внизу тянулись бескрайние болота с застывшими моховыми волнами, сверкали серебряные ленточки речек, змеились, не в силах раздвинуть ельники, безымянные ручьи. Не прошло и полутора часов, как показались серые «варакки» — поросшие сосняком приморские скалы. Еще несколько минут полета — и засверкало залитое солнцем Белое море. Я разглядел белоснежные островки ледяных полей. Казалось, они застыли на вечной стоянке. Но я-то знал, что эти островки поплывут туда, куда подует ветер. А если он будет дуть несколько дней кряду в сторону берега, ледовые поля вместе с приливом вползут на прибрежные скалы и солнце довершит работу ветра.

Палыч тронул меня за плечо и постучал по стеклу иллюминатора. Я увидел под крылом пенные буруны порога на Керети. В этот миг летчик Лахтаев заложил вираж, и мы начали снижаться. Впереди показалось озеро Заборное, через которое протекала семужная река Кереть.

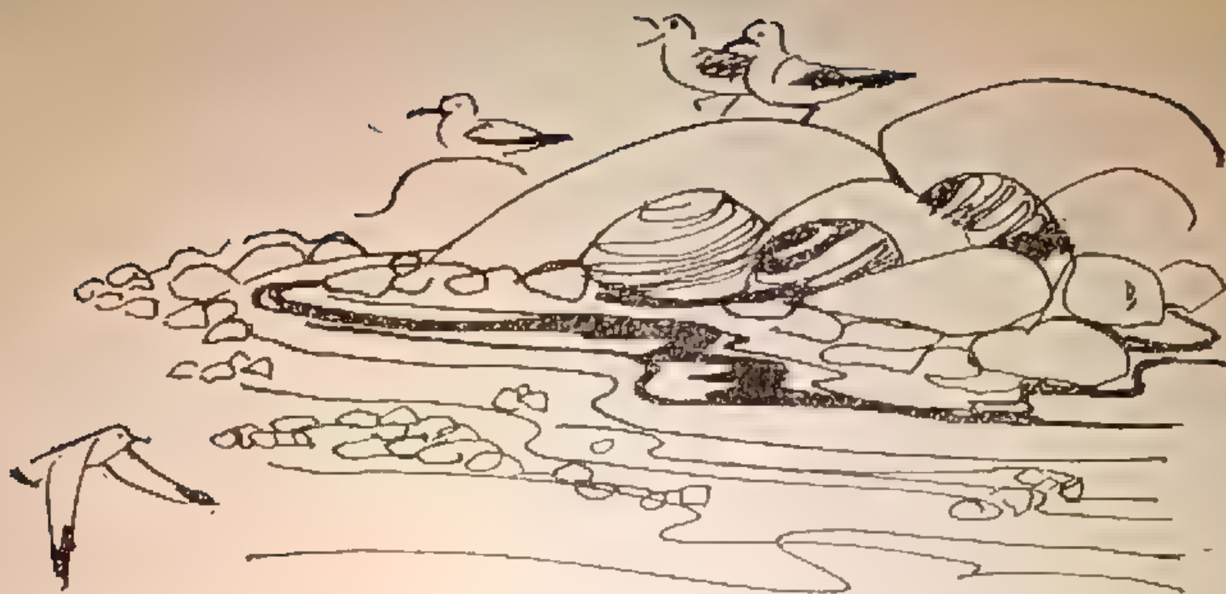
Непривычная тишина буквально навалилась на нас, когда мотор смолк.

— Ну, как мои рыбята? — снимая наушники, спросил Лахтаев.

— А что им сделается, — спокойно ответил Палыч и отвернул край брезента. Несколько семужат плавали на поверхности кверху брюхом.

— Ну вот, а вы говорите, что им ничего не будет, — сокрушенно проговорил пилот.

— В нашем рыбоводном деле без потерь не бывает, — так же деловито успокоил летчика рыбовод. — Видно, этих семужат повредили, когда загружали. Но остальные-то вон какие красавцы, им и твоя тарахтелка нипочем. Давай-ка за дело, ребята.

Палыч с двумя своими помощниками раскрутил толстый гофрированный шланг, который был ввинт в днище чана. Мы с пилотом пристроились на самолетных поплавках и во все глаза смотрели, как священнодействуют рыбоводы. Перекрыт кислородный баллон, вынут распылитель. Наконец жерло шланга, опущенное к самой воде, заклокотало. По нему, как ребятишки с ледяной горки, из самолета покатились тысячи веселых семужат. Переселение заняло считанные минуты. А самолет, подгоняемый ветерком, относило все дальше от места выпуска.

— Эй, смотрите, что она делает! — вдруг закричал пилот.

Мы обернулись. Там, где рыбоводы начали выпуск семужат, с воды поднялась крупная морская чайка. Тряся головой, она на лету заглатывала одну из только что выпущенных рыбоводами рыбешек.

— Какая наглость! — возмущался Лахтаев. — На такую прожору не напасешься.

— Будем считать, что она прихватила погибшего семужонка, — неторопливо, но уже с тревогой в голосе проговорил Палыч.

А нахальная чайка, в момент справившись со своей добычей, издала разбойный клекот и вновь спикировала на воду. Со стороны моря показалось еще несколько белоснежных птиц.

— Запускай мотор! — скомандовал Палыч. — Что мы, кормить их приехали?

Мы спешно забрались в салон, и пилот мигом включил двигатель.

— Что это с нашей семгой происходит? — вдруг проговорил один из помощников Палыча.

Мы все столпились у дверей. Десятки семужат, словно кротные дельфинчики, встали на хвосты и высунули головы из воды.

— Давай, давай, — замахал пилоту Палыч. — Ходу давай!

Летчик, не разобрав что к чему, дал газ, и брызги, поднятые поплавками, полетели в открытую дверь салона.

Палыч прошел в кабину пилота, когда самолет отбежал от места стоянки в конец озера.

— Что там стряслось? — спросил Лахтаев у Палыча.

— Вибрация, — ответил рыбовод и пояснил: — Как только ты запустил мотор, поплавки задрожали, от вибрации семужатам тошно стало, хоть из воды выскакивай. Ты уж как-нибудь полегче отъезжай от места выпуска.

— Да я ведь первый раз на таком деле, — растерянно развел руками пилот и виновато улыбнулся.

— Ладно, что там, — успокоил его Палыч. — Давай-ка налегке назад проскочим, нам ведь еще два рейса надо сделать.

Лахтаев оторвал самолет от зеркальной глади Заборного и сделал низкий круг над озером, разгоняя прилетевших на даровую поживу чаек.

К полудню мы вновь опустились на Заборном. Чаек здесь заметно прибавилось. Одни сидели на воде, другие парили в воздухе и, пролетая над самолетом, крутили головами.

— С моря летят, — огорченно заметил рыбовод и посмотрел на часы. — Там сейчас полная вода — прилив, не очень-то поживишься.

И снова несколько семужат досталось белоснежным разбойницам, как мы ни кричали, ни улюлюкали, чтобы распугать их.

Но самый настоящий разбой начался, когда мы прилетели в третий раз, под вечер. Уже несколько десятков чаек ждало нас на Заборном. Лахтаев перед тем как посадить машину сделал над озером несколько кругов. Чайки шарахались в разные стороны, а те, что колыхались на воде, поднимались в воздух, и их становилось еще больше.

Наконец рыбоводы приступили к выпуску семужат. Чайки с пронзительными воплями пролетали над самой кабиной самолета и бултыхались в воду возле поплавков. Крик поднялся неимоверный. Стоило одной прихватить рыбку, как к ней кидалось сразу несколько, чтобы отнять добычу.

Мы махали руками и орали до хрипоты, но наши голоса тонули в криках чаек. Казалось, что мы попали на настоящий птичий базар.

— Да что же это делается! — взмолился Палыч и в растерянности посмотрел на пилота. И тут лицо летчика словно просветлело. Он вмиг заскочил по лесенке в свою кабину и через секун-

ду вновь показался в дверях. Грохнул выстрел, и над водой, оставляя курчавый дымный шлейф, пронеслась огненная ракета. В стае чаек образовался широкий коридор. Снова с треском летит ракета, и чайки отлетают на приличное расстояние, набирая высоту.

— Ага, запаниковали! Я вас научу, как мою рыбу трогать!— приговаривал Лахтаев, посылая из ракетницы одну ракету за другой.

Стая рассеялась. Над озером раздавались жалобные вопли чаек, упустивших добычу.

— Спасибо, друг! — проникновенно проговорил Палыч. — Выручил. Ведь семужатам главное на первых порах в стайку сбиться да уйти поглубже. А там, считай, они в море сами дорогу найдут.

...Прошло несколько лет. Случилось мне быть на Чупинском рыбозаводе. Здесь я впервые увидел громадных рыбин, которых работницы заворачивали в пергаментную бумагу. Я сразу вспомнил тот наш полет и очень пожалел, что рядом со мной не было летчика Лахтаева. Вот бы он удивился, увидев, какими стали спасенные им семужата.

ПОРОГ НА ШУЕ

Как-то уж само собой получилось, что мои свидания с Виданским порогом на Шуе приходились в грибную пору золотой осени. Впервые я пришел сюда лет двадцать тому назад. И не береговой тропой, а через леса и вырубки.

Охотничьи версты не меряны. Из одной куртины я входил в другую, сгонял с брусничников рябчиков, которые тотчас замирали в лохматых лапах елок. Иногда свистел в манок. Охота в то утро была на редкость удачной.

А когда солнце согрело лес, я вышел к Шуе. Ноги уже гудели от многочасовой ходьбы. Я то и дело присаживался передохнуть. Наконец тропка превратилась в проселок и отвернула от берега. Я зашагал веселее — не иначе как виданские телеги накатали этот проселок.

Шуя исчезла за частоколом молодой сосновой рощи. И тут до меня донесся мерный рокот порога. Забыв про усталость, я зашагал через сосняк к берегу.

У самой реки остановился. Здесь широкий спокойный плес обрывался и вода начинала бурлить и пениться на каменных уступах.

Казалось, вся задача порога только в том и состояла, чтобы зажать плес в теснину и наделать побольше шуму. Но именно

в эту октябрьскую пору с Онежского озера поднимается в Шую на нерест царь-рыба лосось. А у каждого лосося свой дом-стоянка, и обязательно под порогом. Здесь в мелкой гальке будет зарыта икра и крупные рыбины станут ее охранять.

Одни лососи своим домом считают Виданский порог, другие поднимаются к Матросам, Киндасову, третьим — путь в самые верховья Шуи.

Я вглядывался в тугие водовороты ниже порога в надежде, что какой-нибудь из лососей «сыграет» — покажет свою горбатую спину.

Мне припомнились удивительные истории о лососях, которые услышал я от старого охотника Гаврилы Анкудинова. В былые времена спиннинговал Гаврила на Виданском. И пусть от города пешком к порогу путь неблизкий, охотничий азарт единоборства с крупной рыбой увлекал его.

Или дед Рымко, бывший штрекмейстер[1] из Каменного Бора

— Я все лососьи гнезда на Виданском знаю, — говаривал он. — Да только больше одного лосося за выход не беру. То-то радость поводить его на леске да сердце свое послушать, как оно заходится.

Рымко даже спиннинга не заводил, забрасывал простую магазинную блесну не с катушки, а с обычной консервной банки...

Много воды унесла Шуя после моей первой встречи с порогом. Совсем другой стала река. Уже давно не сплавляют по ней люди лес. Очистили речное ложе от бревен-топляков, а чтобы разнообразить рыбье население, запустили в Шую стерлядь. И стала река заповедной. Не только лосось, но и форель, и хариус, и стерлядь взяты здесь под охрану. А я до сих пор добрым словом поминаю стариков лососятников, уже тогда ловивших под порогом царь-рыбу на крученую нитяную леску.

И вот спустя двадцать лет нежданно-негаданно я снова попал на Виданский порог. Юрий Александрович — известный ихтиолог[2] — пригласил меня в экспедицию на Шую.

На грузовике мы добрались до самого порога. Место я узнал сразу. Та же сосновая роща, только деревья окрепли и раздались в кронах. Все так же ровно шумел порог, однако вид его поразил меня. Вода в Шуе настолько упала, что обнажила уступы порога. Каждый такой уступ оброс бурыми водорослями.

Нам предстояло «процедить» порог с помощью «кораблнков» — нехитрой снасти. «Кораблик» течением отбивается к противоположному берегу и уносит длинный шнур. А на шнуре полощутся по воде крючки с мушками.

---

[1] Штрекмейстер — мастер горных работ.
[2] Ихтиолог — человек, изучающий жизнь рыб.

Первым заводит свой «кораблик» Юрий Александрович. За ним с такой же снастью иду я. Мушки царапают воду, подпрыгивают — и уже начинают выскакивать из воды харьюсята.

Мы медленно движемся вверх по порогу. Смотрю, Юрий Александрович хватается за подсачник и начинает выбирать шнур «кораблика». Затем снимает с крючка маленькую рыбешку и отпускает обратно в реку.

В этот миг один на редкость нахальный харьюсенок хватает мушку на моем «кораблике». Подвожу к себе и снимаю с крючка рыбку величиной с мизинец.

— Для пробы сгодится! — кричит Юрий Александрович.

Нам надо было выяснить, нет ли на пороге лососей карликовой формы, которые не покидают реку и не скатываются в озеро. Но на крючки «кораблика» садились лишь молодые, похожие на форельку, пестрые лососята. Их мы сразу же отпускали в реку.

Когда пришло время возвращаться, я решил добраться до берега по скальному выступу, перегородившему порог. Словно канатоходец в цирке, я шел по гребню выступа, балансируя руками. В одной у меня был подсачник, в другой — смотанный «кораблик».

До берега было еще довольно далеко, как вдруг по глазам полоснул острый солнечный зайчик. Чтобы не сорваться в воду, я сел на выступ. Под ногой лежала странная блесна. Ее ржавые крючки намертво засели в трещине скалы. На ушке блесны висел обрывок толстой жилки. Я подобрал находку и сунул в карман, чтобы получше рассмотреть ее на берегу.

Юрий Александрович похвалил меня за харьюсенка.

— Сеголеток. В лаборатории взвесим и сделаем анализы. В прошлом году добыли сеголетка хариуса на семь граммов, а твой может и побить рекорд, — сказал он.

И тут я вспомнил о своей находке в пороге. Мы с Юрием Александровичем принялись рассматривать блесну. Она была сделана из латунной пластинки. По форме блесна напоминала трехгранную призму-стекляшку, какие вешают на люстры. Но в одну грань этой призмы был вделан кусочек зеркала.

— Да-а, — протянул Юрий Александрович. — До чего же изобретателен нынешний браконьер. Такая блесна даже ночью засверкает. И знают же, что река запретная, а все равно лезут и лезут...

Я сунул блесну в карман куртки и направился к машине. Переваливая через борт, вдруг почувствовал резкую боль в бедре. Это крючок браконьерской блесны пробил куртку и уколол меня. Я тотчас достал блесну и в сердцах ударил вделанным в нее зеркальцем по металлической обшивке кузова. Серебри-

сые блестки брызнули в разные стороны. Размахнувшись, я забросил браконьерскую снасть далеко в кусты.

Машина тронулась. Неторопливо поплыли мимо стройные сосны. Я с высоты бросил прощальный взгляд на порог. Его седые буруны разметались на каменных уступах. Шуя продолжала свой вечный бег...

НАСТОЯЩИЙ РЫБАК

Как только рейсовый автобус остановился в Марциальных Водах, я первым выскочил из него и торопливо зашагал по асфальту к своей заветной тропке.

Начинается она сразу за санаторием. Знают ее немногие, только те, кому рыбалка в радость и ради нее не лень прошагать четыре километра до Долгой ламбы. Люблю я эту тропку. Сразу, как только сбегает она с асфальта, падает со скалы в болотце. Прохлюпаешь метров сто — и поведет тебя тропинка к новой скале. Тут цепляешься то за каменный выступ-остряк, то за куст можжевеловый и лезешь, обливаясь потом, на кручу. Взберешься, посидишь, отдышишься, а там новое болото — верховое. Растет на нем черная ольха, реликтовое[1] дерево. Видимо, болото это древнее.

Дойдешь до реликтовой рощи, считай, полдороги прошел. Еще один небольшой подъемчик, и тут перевал — лысая макушка скалы, будто смотровая площадка. Куда ни глянь — ширь лесная. И Кондопога вдали, трубы комбината с белыми шлейфами дыма.

Здесь новый привал — и спуск в долину Долгой ламбы. Ведет тебя тропка и новые чудеса показывает. В долине, как в затерянном мире, свой климат. Травы в рост человека, рябина в обхват толщиной, и на каждом шагу липы. Но одна — всем липам прародительница. Стоит эта прабабушка уже не одну сотню лет. Лесоводы обмерили ее и на учет взяли. Полтора метра в диаметре! И по всей округе молодые липки к свету тянутся — праправнуки этой живой древности.

А тут уж и Долгая ламба рядом, и говорливая речка с чистой водой, с белыми лилиями на плесах и вязами на берегах...

От санатория до тропинки я пробежал на редкость удачно — никто не остановил. Обычно обступят отдыхающие и начнут расспрашивать:

[1] Реликтовое — оставшееся от минувших эпох.

— На рыбалку?
— На рыбалку...
— Далеко озеро?
— Далеко...
— Сколько километров?
— Четыре...
— Какая рыба ловится? — И так до бесконечности. А кому такой допрос нужен, если человек и в самом деле на рыбалку торопится и где-то под скальным обрывом Долгой ламбы его окуни заждались.

Сойдя с асфальта на тропинку, я сбросил рюкзак, достал из него штормовку, сапоги и начал неторопливо переодеваться.

— На рыбалку собрались? — вдруг слышу за спиной чей-то голос. «Ну, кажется, влип, — взяла меня досада, — начинается допрос...»

Поднимаю голову и вижу: стоит передо мной могучий человек с седой головой, а в руках батожок осиновый вместо тросточки. Глаза у человека веселые, любопытные, улыбка приятная, голос молодой. И как это он узрел меня в кустах? Да еще так бесшумно подошел, что ни один сучок не хрустнул.

Первым моим желанием было схватить рюкзак и дать деру. Но уж больно обезоруживающей была улыбка этого санаторного Тараса Бульбы.

Мы разговорились. Мой неожиданный собеседник действительно приехал отдыхать в Марциальные Воды. Капитан рыболовного траулера из Мурманска. Да только скучновато ему в санатории — так не возьму ли я его с собой на Долгую ламбу?

Такого поворота дела я не ожидал. А с другой стороны, «рыбак рыбака»...

— Я переоденусь мигом... В пять минут буду готов! Подожди, друг, — горячо заговорил он.

...Вскоре капитан Сафонов предстал передо мной в совершенно ином наряде. Бобочка, необъятные пижамного типа шаровары и на ногах кеды.

— Ноги промокнут, — сказал я.
— Так ведь лето, — отвечал капитан.
— А комары?
— Может, как-нибудь не загрызут? — неуверенно проговорил он.

Идти на ночь с голыми руками в комариный рай — дело гиблое. Я достал из рюкзака запасной свитер. Капитан прикинул его к своей широкой груди и как-то отрешенно спросил:

— Не жалко?

Свитер был связан добротно. Он несколько раз глухо рыкнул,

когда Сафонов натягивал его на свой могучий торс, но не расползся по швам.

— Ну-у красота! — сияя красной «спартаковской» полосой через всю грудь, сказал капитан. — В этой робе и зимовать можно!..

Я думал, что с такой тучной фигурой мой напарник сдаст уже на первом подъеме. Но не тут-то было — капитан не отставал от меня ни на шаг. Я показал Сафонову все прелести тропинки. Мы глядели на комбинатовские трубы. Потом спустились к бабушке-липе и, взявшись за руки, пытались обхватить ее ствол. Но наших рук не хватило. Я радовался, что капитану было все интересно.

Когда мы вышли к реке, я принялся делать для капитана удочку. Мой спутник шумно плескался на берегу. Потом он подошел ко мне и шепотом проговорил:

— Слушай, там столько рыбы...

Я подошел к тому месту, где умывался Сафонов. Речная струя медленно расчесывала длинные светло-зеленые травы, склонив их до самого дна. А на этом нежно-зеленом фоне, неторопливо шевеля хвостиками, стояла стайка плотвиц.

— Это, что ли, рыба? — удивленно спросил я капитана.

— Давай, давай удочку.

— А как же ламба, окуни?

— Сходи один, я тут половлю...

Пришлось разбить ночлег у этой плотвичьей стайки. Я оставил рюкзак с провизией и баночку с червями, а сам со спиннингом отправился на Долгую ламбу.

Часа через три, выловив приличную щуку, я вернулся на речку. Капитан усердно взмахивал удилищем, выдергивая из парной воды плотвичек.

Я разжег костер, вскипятил чай и приготовил бутерброды.

— Давай обедать! — позвал я Сафонова.

— Тс-с, — приложив палец к губам, ответил тот, — такой клев!..

Щука, которую я принес с Долгой ламбы и бросил под сосной, уже перестала клацать челюстями и затихла. Чай пришлось подогревать еще раз. Наконец Сафонов отложил удочку в сторону и подошел к костру. Глаза его светились необычайной радостью.

— Вот это рыбалка! — сказал он. — Давно так не ловил.

...Покончив с едой, мой новый друг вымыл в реке котелок и бережно уложил в него все до единой серебристые рыбешки. Котелок был полон.

— А сколько рыбы можно поднять на палубу тралом? — поинтересовался я.

— Тони десять, — ответил Сафонов, любуясь своим уловом. — Если на банку[1] успел прийти раньше других траулеров.

И я вдруг понял капитана Сафонова. Надо иметь душу настоящего рыбака, чтобы одинаково радоваться и тугому от рыбы многотонному тралу, и закопченному котелку, в котором трепещут красноглазые плотвички...

СМОТРИТЕЛИ АКАНКОСКИ

Валька открыл глаза. Спросонья он не сразу сообразил, утро сейчас или вечер. На столе по-прежнему горела керосиновая лампа. Отец стоял у стола, и огромная тень от его фигуры распласталась по всей стене. Отец размахивал руками, и тень суматошно вздрагивала, взбиралась на потолок. Казалось, неведомая ночная птица залетела в маленькую комнату кордона, бьется о стены, о потолок и никак не может выбраться.

Пожалуй, еще ночь. В черном, лаковом стекле окна ни звездочки, ни проблеска ранней зари. Дядя Ефим сидит в своем углу и медленно скручивает цигарку.

Отец говорит отрывисто и резко:

— Уходи, Ефим... Завтра же. Мальчишка и так уже насмотрелся на твой промысел. Довольно. Не нужен ты здесь. Уходи...

Дядя Ефим недовольно хмыкнул и, чиркнув спичкой, закурил. Лицо его потонуло в облачке дыма.

Когда дым растянулся в синюю полоску и призрачной пеленой повис над лампой, дядя Ефим исподлобья взглянул на отца.

— Значит, гонишь, — глухо произнес он. — А на фронте мы с тобой, Павел, из одного котелка ели... Аль забыл?

— Нет, Ефим. Не забыл. Но ты и в котелке шарил по дну. Слышал бы тогда наш ротный повар твои речи...

Теперь отец говорил спокойно и неторопливо. Но каждое его слово было жестким и тяжелым. Дядя Ефим втянул голову в плечи и хмуро дымил цигаркой.

— А вспомни наши атаки. Из окопа ты норовил выскочить последним. Говорил, что первая пуля не для тебя. Это, Ефим, забыть трудно. Я думал, война тебя чему нибудь научит. А ты все такой же, все о себе печешься. В такую глухомань забрался, и то со своим черпаком. В общем, рад был тебя видеть, но не таким... Уходи...

Дядя Ефим поднял голову и тихо произнес:

— Ладно, Павел. Ты хозяин, я гость. Как говорят, насильно

[1] Банка — морская отмель.

мил не будешь. Коли пришелся не ко двору... Знамо бы такое дело, пораньше спать залег. И то, отоспаться перед дорогой надо.

Пока отец и дядя Ефим укладывались на скрипучие койки, Валька прищурил глаза. Но едва лампа погасла и комнатка кордона погрузилась в темноту, глаза открылись сами. Какой уж тут сон, если только что Валька услышал, как отец гонит своего фронтового друга. Может быть, отец погорячился? А если нет, то как же он, Валька, завтра будет смотреть в глаза дяде Ефиму?

Сразу сто вопросов заполнили Валькину голову, и на каждый он должен сам найти ответ.

Валька не мигая глядел в темноту и вспоминал каждый день, прожитый на кордоне.

...Домик кордона построили давно, когда по Суле впервые начали сплавлять лес. Такие домики выросли и на Горелом мосту, в протоке между Лескозером и озером Карги, у истока порожистой Сулы и здесь, на девятом километре реки, у самого большого порога Аканкоски. Отец говорил, что и ниже по течению есть пороги. Там тоже сплавщики несут патрульную службу и живут в таком же кордоне.

Без кордонов на порожистой реке не обойтись. Пропустят сплавщики кошель с лесом через один порог, а река несет их уже к другому. Не будь людей у порога, стиснутая скалами Сула по-своему распорядится бревнами. Наставит тычков, запыжует русло, набросает бревна в несколько слоев, так, что комли их, как стволы зениток, поднимутся над водой. И готов залом. А чтобы разобрать его, сколько людей и времени надо.

Вот поэтому и нужны патрульные кордоны. На каждом по два человека — бригадир и его помощник.

Отец Вальки — бригадир. Был у него и напарник, Виктор. Да только заболел в середине июля. Отец перекрыл Сулу выше порога оплотником, чтобы залома не было, и на моторке отвез Виктора в поселок. А дома Валька упросил его взять с собой на кордон. Валька знал, как упросить.

— Где ты возьмешь человека, когда сплав в разгаре? — доказывал он.

— Уж не ты ли тот человек? — усмехнулся тогда отец.

— А почему бы и нет? — солидно спрашивал Валька. — Что я, багра в руках не держал или Аканкоски не видел? Ведь мы же с тобой там сколько раз рыбалили. Соглашайся, а то передумаю.

После этих слов отец расхохотался.

— Слышишь, мать, как наш мужик рассуждать научился. Придется тебе харч на двоих собирать.

И вот уже целый месяц Валька помогает отцу на буйном пороге Аканкоски. Сплавные хитрости он освоил довольно быстро.

только не все у него сразу получалось. Попробуй, столкни на струю застрявшее в береговых камнях бревно. Валька суетился возле бревна, налегал на багор, а толку никакого. Отец учил его терпеливо.

— Силы у тебя, Валек, на это бревнышко все равно не хватит, — говорил он в таких случаях. — Да и мне не спихнуть. Тут сноровка требуется. Ты сделай так, чтобы река тебе помогла. Раз Сула принесла сюда эту деревину, она и помочь должна. А Сула — река добрая, в помощи не откажет. Смотри!

Отец втыкал багор в самый конец бревна и без особого усилия отжимал его от берега. Могучая струя, встретив преграду, напирала на строптивое бревно, разворачивала его, и застрявший конец сосны медленно сползал с камней, оставляя на них розовую кору. Через минуту подхваченное течением бревно уже крутилось посередине реки и с легким звоном стукалось о другие бревна, мчавшиеся мимо серых валунов.

Управлять оплотником Валька научился в первый же день. Выше порога с одного берега на другой были перекинуты связанные цепями бревна. Принесет Сула кошель из тысячи сосен, а тут — стоп — оплотник не пускает. Нельзя же всем сразу без ведома людей в порог кидаться. Остановленные оплотником бревна медленно покачиваются на воде и, словно стая гигантских рыб, греют свои чешуйчатые спины на солнце.

Когда пришло время пропускать кошель, отец размотал конец каната, привязанного к последнему бревну оплотника. Бревна нетерпеливо задрожали. Речная струя нажала могучим плечом и отодвинула оплотник от берега.

— Трави! — крикнул отец и проворно начал отпускать канат.

Коридор между берегом и последним бревном оплотника становился все шире и шире. Сперва отдельные сосны проплыли по нему, а следом — еще, еще, и вот уже от кошеля стали отделяться целые пачки бревен. Они неслись, набирая скорость, туда, где ревел и бесновался порог.

Минут через пять отец начал подтягивать оплотник к берегу. Закрепив канат на двух вкопанных в землю столбах, он хлопнул Вальку по плечу и сказал:

— Ну, а теперь багор в руки! Пойдем посмотрим, что там натворил наш порожек.

Второй раз проход для бревен в оплотнике открывал уже Валька.

— Отдать концы! Трави-и-и! — кричал он, не скрывая своей радости, и голос его тонул в грохоте седого от пены бурлящего Аканкоски.

За месяц таких дней было немало. И Вальке казалось, что уж больно быстро летит время. Ну совсем как бревна посредине реч-

ной струи. Не успеет взойти над лесом солнце и над порогом повиснуть яркая дуга, как, смотришь, и вечер наступает.

В первый же день, пропустив через порог целый кошель бревен, смотрители Аканкоски смастерили себе донки-закидушки. Едва солнце пересчитало первые вершины сосен, как отец и сын уже сидели на крутой скале у омута.

В тишине уходящего дня омут казался таинственным и непонятным. Стынущая вода парила туманом, причудливые тени неторопливо плыли над темными струями. Где-то в глубине завязли в иле свинцовые грузики.

Валька нетерпеливо шевелит пальцем жилку и то и дело поглядывает на отца: не клюет ли у него?

Отец резко дергает лесу и быстро начинает выбирать ее. Валька, забыв о своей донке, завороженно следит за действиями отца. Вот показались крючки, стрелками разрезая черную поверхность омута. И ни одного всплеска.

— Сиги! Наживляй червя! — прошептал отец, проверив остатки наживки.

Теперь Валька и сам видел, что серые катышки хлеба, сдобренного подсолнечным маслом — любимая приманка лещей и язей, — остались нетронутыми. Зато червей как не бывало. Ясно — сиги объели.

Не успел Валька заменить наживку, леса упруго потянула за палец.

— Спокойно, Валек, не нервничай, — проговорил отец, когда Валька принялся выхватывать лесу из глубины.

Вода у берега заволновалась под ударами сильного хвоста. Валька еще не сообразил, как он будет вываживать рыбину, а отец уже подвел сачок и вместе с грузилом вынес на берег серебряного сига.

— Видал, как надо! — задыхаясь от восторга, проговорил Валька, высвобождая крючок.

— Нет, не видал, — улыбаясь ответил отец, — хорошо, хоть ты научишь. Люблю знающих людей.

И он торопливо шагнул к своей донке. Леса стала проворно соскальзывать в воду. Отец подхватил ее, выбрал и подвел сачок. Ему попался сиг нисколько не меньше Валькиного. Вальке уже стало немного совестно от того, что он чересчур расхвастался.

— Боевая ничья! Как в футболе. Надо назначить переигровку, — без умолку трещал Валька, когда они возвращались по тропинке к кордону. Четыре сига болтались на ивовом прутике у Вальки и столько же на кукане у отца.

...Тихо и размеренно стучат ходики на стене. Монотонно шумит за окном порог. И Валька, убаюканный, засыпает.

На следующее утро Валька с удивлением увидел, что отец еще не поднялся с постели. Взглянул на ходики — ровно семь.

— Пап, вставай! Там уже, наверно, кошель подошел.

— Не будет сегодня кошеля, — ответил отец. — Посмотри на календарь.

Валька, протирая глаза, взглянул на приколотый к стене табель-календарь. Цифра была обведена черным квадратиком.

— А что тут обозначено? — спросил Валька.

— Профилактика...

— Это еще что за штука?

— Полный осмотр катеров. Смазка двигателей, мелкий ремонт. А раз катера стоят — кошеля не будет.

— Значит... — Валька подбежал к окну. Сула, укрытая тенью прибрежных сосен, заманчиво раскручивала струи. Еще ни один солнечный лучик не разбился о воду. И где-то там, в прохладной глуби, ходила рыба. — Значит, я поужу! — закончил Валька и, не дожидаясь ответа, выскользнул за порог.

Он сразу же спустился к перекату. Здесь, под могучей речной струей, была целая россыпь валунов. Поэтому течение было таким же сильным, как в начале порога. Только вода здесь не дыбилась и не пенилась.

Зорька еще не кончилась. Прибрежные камни сверкали мокрыми от росы макушками. Пройдет еще час-полтора, пока солнце, поднявшись над лесом, не высушит их.

Вальке чудилось, что из-за каждого подводного валуна на него таращатся харнусы. Он осторожно приблизился к реке и, насадив самого симпатичного червя, сделал заброс.

Поплавок покатился по воде, приседая и снова приподнимаясь на струе, в точности рисуя очертания подводных камней.

Валька, сосредоточив все внимание на этом юрком кусочке пробки, не считал, сколько сделал забросов. Ожидание поклевки целиком захватило его.

Наконец проворный поплавок споткнулся и замер. Его сразу же накрыла струя, и возникший вмиг белый бурунчик с быстротой молнии передал рыболову сигнал: «Поклевка!»

Это был первый харнус, которого Валька поймал на кордоне.

Покачав его на вытянутой руке, Валька с удовлетворением отметил про себя: «Не какая-нибудь там селедка. Грамм семьсот будет».

Но тут взгляд его остановился на забытом удилище. Азарт рыболова опять захватил Вальку. Он снова и снова забрасывал удочку, но белый бурунчик над поплавком так и не появлялся. Прыткая пробка, считая подводные валуны, уносилась вниз по течению. Валька решил переменить место.

Подобрав пойманного хариуса, он зашагал по берегу к нависшим над водой кустам.

Еще издали он увидел круги на воде. Это проголодавшаяся рыба ловко подхватывала падавших с кустов гусениц.

Река, смиряя свой бег, неторопливо раскачивала припавшие к воде ветки ивняка.

Валька, словно кулик, замер на камне, поплавок медленно поплыл вдоль куста. Вдруг из-под нависших над водой сучьев стремительно вылетела какая-то рыба. Вокруг поплавка разошлись четкие круги, и леса рассекла речную струю. Валька взмахнул удилищем. Но в тот же миг ноги его соскользнули с камня, и он плюхнулся на мелководье.

Отлетевшая назад удочка дробно застучала по прибрежным камням. И Валька увидел, как сидевшая на крючке рыба плещется в тоненькой струйке, что сочилась между камней. В два прыжка он подскочил к удилищу и, спотыкаясь о мокрые камни, отнес его вместе с добычей подальше от реки.

Только теперь он мог спокойно разглядеть пойманную рыбу. Форель! Скользкая рыбка, изгибаясь серпом, пыталась разжать Валькину ладонь. Она была раз в пять меньше пойманного хариуса, но по яркости окраски харнусу было далеко до форели. На ее боках сверкали золотые и ярко-оранжевые пятнышки. Когда Валька разжимал ладонь, ему чудилось, будто первые солнечные лучи, пробившись сквозь густую листву прибрежных кустов, играли на рыбьих боках.

Валька обломил веточку, подвесил на нее свою добычу и с нетерпеливым ожиданием снова стал следить за поплавком. Однако новой поклевки не было. Видно, он распугал всю рыбу, когда свалился с камня.

Солнце уже просочилось сквозь темные кроны сосен. Тысячи солнечных зайчиков заплясали по всей реке. Валька понял, что зорька кончилась и пора возвращаться на кордон. Он представил, как удивится отец его добыче. Форель и хариус, не какие-нибудь там сиги или язи!

Отец сидел на крыльце и строгал рукоять для нового багра.

— А-а, рыболовная бригада вернулась! Ну, как успехи?

Как ни пытался Валька выдержать серьезную мину, губы сами расплылись в радостной улыбке.

— Во! — с победным видом он протянул отцу прутик с насаженной рыбой. — Видал?

— Хоро-ош! — восхищенно произнес отец. Но тут он заметил притулившуюся к хариусу форельку.

— А это что? — спросил он.

— Как что, форель!

— Форель... Какая же это форель? Килька, а не форель

настоящей форели ей еще лет пять расти надо. Почему не выпустил обратно?

Валька потупился. Сколько радостных минут он пережил, когда форель попала в его руки. Как хотелось удивить отца. А получилось совсем наоборот.

— Давай, Валентин, уговоримся, чтобы больше ни одной форели. Неужели ты сам не понимаешь, что форели в наших реках совсем мало осталось. Только в таких далеких от жилья, как Сула. А ведь эта рыба для любой реки украшение. Эх, Валентин, Валентин. Знал бы я, что ты на перекат пойдешь, ни за что бы одного не отпустил.

Конечно, отец был прав. И почему эта форелька не сорвалась, когда он упал с камня?! Уже в воде была, а не отцепилась... Теперь вот отец выговаривает и сердится на него. Всегда зовет Валек, Валек, а тут Валентином назвал, значит, сердится не на шутку.

Валька стоял понурив голову и не знал, что делать. Отец сам пришел на выручку:

— Ладно, — сказал он, — не обижайся. Ведь я дело говорю. Это тебе вместо профилактики, чтобы наперед знал. Иди, жарь свою добычу.

За завтраком отец нахваливал Валькиного харнуса. Но к форели так и не притронулся.

...Валька вспоминал обо всем этом, уставившись широко открытыми глазами в потолок.

Все так же деловито стучат и поскрипывают ходики, а время словно остановилось. И чернота за окном все та же. Интересно, сколько кругов сделала на циферблате минутная стрелка? Один, два, а может, и три?

Валька таращится в темные углы и снова вспоминает.

Дядя Ефим пришел на кордон под вечер. За плечами его топорщился громадный берестяной кошель. Когда дядя Ефим сбросил его, эта необъятная плетенка, словно двухпудовая гиря, тяжело шмякнулась о землю.

— Принимай гостя, разводи самовар, — сказал вместо приветствия дядя Ефим. Он снял полинялый картуз и широкой ладонью, усаженной короткими толстыми пальцами, отер со лба пот. И тут словно впервые увидел Вальку.

— О-о, Павлов сын! Похож, похож, вылитый отец. Пойду почеломкаюсь с ним. А ты, дружок, постереги мой кошелик.

И гость простучал тяжелыми сапогами по ступенькам.

Валька остолбенел.

Какой-то странный дядька. Велел стеречь этот «кошелик». А от кого? Люди сюда заходят редко. А медведям кошель не нужен. Да и не появляются здесь медведи.

Валька взбежал было на крыльцо, но тут распахнулось окошко и показалась всклокоченная голова гостя.

— Эй, Валюша, занеси кошелик в сенцы! — крикнул он.

Легко сказать «занеси». Как Валька ни пытался оторвать кошель от земли, ничего не получалось.

«Да что он, камней с переката туда напихал, что ли!» — в сердцах подумал Валька. Чтобы сдвинуть кошель с места, пришлось впрячься в широченные лямки.

В надежде на помощь, Валька то и дело поглядывал на окно, однако гость уже захлопнул его.

С трудом Валька проволок кошель по ступенькам и поставил в сенях.

Когда он вошел в дом, плита уже топилась и отец наливал в чайник воду. Гость, блаженно вытянув ноги, сидел на лавке.

— Знакомься, Валек, это дядя Ефим. Мы с ним вместе воевали. Он из города в отпуск приехал. Решил всю нашу Сулу сверху донизу пройти. Каково!

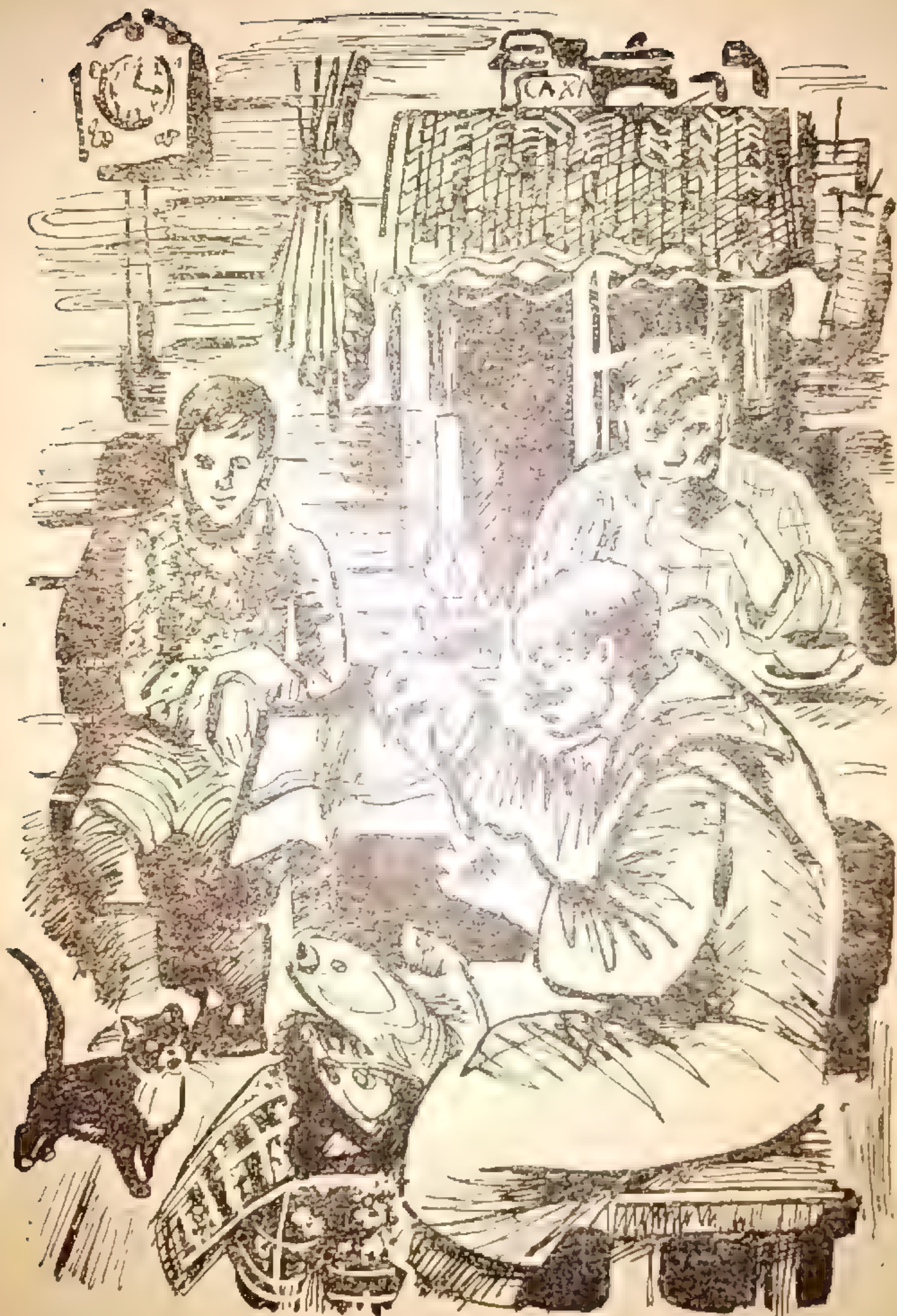
— Да чего там идти, — вступил в разговор дядя Ефим. — По озерам ваши сплавные катера везли. Бесплатно. Я всем мотористам говорил, что к тебе, Павел, еду. А ты тут, оказывается, человек известный. Мне через тебя всюду почет и уважение. А речонку вашу я давно на примете держу. Говорят, тут и лососку забагрить можно. Как?

Отец растерянно пожал плечами.

— Кто знает... Мы вот багрим бревна. Сам шел сверху, видел, наверно, сколько леса по Суле к нашему порогу идет. Да и, признаться, не ловим мы лососей. Мы тут с сигами воюем. — Отец многозначительно подмигнул Вальке.

— Ну, сиги это не тот рыбец, — деловито проговорил дядя Ефим. — Ежели коптить, тогда из него настоящий продукт получится. А где ж мне коптить, когда я сегодня здесь, завтра — дальше пошел. Не ради сига я в такую даль стронулся. Красная рыба мне нужна. Ее в посол — и храни сколько хочешь. А вкус, а нежность — пальчики оближешь! Только у нас на Шуе с этим делом ой-ой как хлопотно стало. Чуть зазевался — рыбинспектор тут как тут. И спиннинг забирает, и штраф еще плати. А уж с липачом лучше и носу не показывай. Удивляюсь я вам. Живете в такой глуши, а красной рыбы в глаза не видите.

Передохнув, дядя Ефим принес из сеней свой кошель и начал вынимать из него поклажу. Валька, не отрывая изумленных глаз, следил за каждым движением гостя. Стол сразу оказался заваленным разными коробочками, в которых позвякивали блесны. Потом на свет появился большой сверкающий крюк на деревянной ручке. За ним — непонятное сооружение, напоминающее игрушечные саночки.

Валька наконец не выдержал.

— Дядя Ефим, а это зачем?

— Багорик? Э-э, сразу видно, не учит тебя отец рыбацкой премудрости. Да без этой штуковины, Валюша, я и на реку не выйду. Заблеснишь лососку, подтянешь к берегу, а дальше как? Тут багорик и выручает. Подведешь под рыбину — и-и шарах ей в бок багорик! Тут уж, считай, твоя.

— А это что?

— Ну ты, брат, и темнота! — Дядя Ефим с сожалением покачал головой. — Липача не видал? Салазки что надо! Цепляю к ним жилку потолще — и на струю. Ты по берегу идешь, а салазки к другому бегут. Да еще крючки за собой тянут по воде. Скачут крючки, воду царапают, ну что твоя бабка-липка, мотылек, значит. А какая рыба от такой закуски откажется? Тут тебе и харьюз, и форель, даже окунь не побрезгует.

— Валентин! Отойди от стола, не мешай дяде Ефиму, — строго сказал отец.

И хотя Валька совсем не прикасался к столу, он понял, что отец недоволен. Не зря же он назвал его Валентином.

— Что ты, Павел, не мешает он мне. Пусть малец снасть обозрит, — возразил дядя Ефим. — Завтра я тебе, Валюша, все покажу в деле. Повезет, так и лососку забагрим. Уж больно порожек ваш говорлив. Не иначе, лososки тут стоят.

Но утром, едва забрезжил рассвет, отец отозвал сына в сторонку и предупредил, чтобы тот и пальцем не смел прикасаться ни к одной снасти дяди Ефима.

Позавтракали наспех. И через полчаса смотрители Аканкоски отправились к оплотнику. Дядя Ефим один пошел на перекат.

В этот день необычно часто отец открывал проход в оплотнике. И все время сокрушенно приговаривал:

— Леску маловато. Что-то там наверху не торопятся. А может, катер какой поломался...

Когда шли сталкивать застрявшие в камнях бревна, Валька заходил под самый порог и смотрел, как дядя Ефим забрасывает блесну. Несколько раз он порывался сбегать и узнать, что тот наловил, но отец брал его за плечо и уводил к оплотнику.

— Твоя рыбалка от тебя не уйдет. Лес пропускать надо.

К вечеру все трое вновь собрались под одной крышей. Дядя Ефим, оставив в сенях все свои снасти, внес в комнату мокрый холщовый мешок.

— Ну-у, Павел, чудной ты мужик. Да у вас тут хоть купайся в рыбе. Гляди!

С этими словами гость вытряхнул на стол свою добычу. Скользкие хариусы и форельки как живые поползли по столу. Запустив руку в мешок, дядя Ефим вытащил последнюю рыби-

ну. Это был некрупный, килограмма на три, лосось. На боку его зияла кровавая рана — след багорика.

— Эх, жаль, нечем спрыснуть такой зачин, — сокрушался дядя Ефим. — Река ваша, скажу тебе, Павел, лучше не надо. Худо только, что бревен много по реке плывет. Я уж липач запустил, когда вы работу кончили. Все боялся, провороню да на бревно посажу. Не-ет, не зря я сюда стремился. Пожалуй, ежели у вас тут недельку пожить — и вниз идти не надо. Обратным путем и назад подамся. Валюша, ты, дружок, почисть харьюзов, а я уж форелькой да лосоской займусь, что в посол пойдут.

Валька с готовностью собрал хариусов в миску. Уж очень ему хотелось проверить, не попался ли дяде Ефиму хариус больше того, которого он поймал. И к великому Валькиному удовольствию, в улове гостя такой крупной рыбины не оказалось. «Липач, липач, а на этот липач одна мелкота цепляется, — с удовлетворением подумал он. — Да и форель не крупнее моей. Только мне за одну рыбку влетело, а тут целая гора таких же «килек», и папка ни слова не говорит».

Дядя Ефим с наслаждением вспарывал кривым ножом каждую рыбешку, пересыпал солью и бережно складывал в мешок. Лосося он чистил с нескрываемым удовольствием. Даже улыбался и мурлыкал себе что-то под нос. Потом завернул лосося в клеенку и уложил в кошель.

— Ну вот и разделались с рыбкой. Лososка в сенях на холодке сама дойдет, а завтра еще подсолю, — радостно сообщил дядя Ефим, заходя в комнату. — А теперь — чаевать.

Все это время отец сидел на койке и заполнял рабочую ведомость. Казалось, ему и дела нет до того, чем заняты остальные.

«И чего он там высчитывает, — подумал Валька. — На пороге рабочих — всего-то «отец мой да я», а кубометры, что мимо нас проплыли, еще на Горелом мосту пересчитаны».

Отец и за ужином был неразговорчив. Это заметил даже дядя Ефим.

— Ты что, Павел, не захворал ли?

— Да нет, устал просто. Лесу много пропустили...

Валька с удивлением посмотрел на отца. «Ой, хитришь, папка, — подумал он. — Весь день приговаривал, что мало леса, а теперь наоборот — много...»

Вечером следующего дня отец позвал Вальку на омут, за сигами.

— Пап, а может, я к дяде Ефиму пойду? Попрошу у него липача половить. А?

— Ты что, в браконьеры решил записаться? — хмуро спросил отец.

— А разве дядя Ефим... — начал было Валька. — Так ты скажи, чтоб он не ловил.

— Придет время, и скажу. А об остальном ты сам должен думать. В твои пятнадцать я соображал быстрее...

...Три дня прожил на кордоне дядя Ефим. И каждый день смотрители Аканкоски гораздо чаще обычного открывали ворота оплотника.

Уловы гостя стали скуднее. Правда, ему удалось поймать еще одного лосося. Мешок, куда дядя Ефим складывал форелек, заполнился до половины.

Три дня отец не давал Вальке передохнуть. Сам на лодке то и дело переправлялся на другой берег, чтобы столкнуть застрявшие там бревна, а Вальку посылал обходить этот берег. И Валька отжимал на струю даже те бревна, которые едва подплывали к прибрежным камням. Может быть, поэтому он сегодня заснул сразу, как только голова коснулась подушки. Так и не дождался, когда вернется дядя Ефим.

А сейчас сон как рукой сняло. Валька вспоминал каждое слово, сказанное отцом дяде Ефиму.

«Молодец все-таки папка! — думал он. — Не побоялся, сказал все, что надо. Эх, встать бы завтра пораньше да уйти к оплотнику, пока дядя Ефим спит».

Но Валька проспал. Не слышал он, как поднялся отец и тут же подхватился дядя Ефим. Не слышал, о чем они говорили на прощанье.

Когда он открыл глаза, уже светило солнце и тени от еловых лап плавали по полу.

Валька выскочил из дому и спустился к порогу. Редкие бревна крутились в бешеных пенистых гребнях. Словно разгоряченные кони, бревна трясли белыми гривами и ныряли в порог.

Отца Валька заметил на противоположном берегу реки. Он прыгал с камня на камень, балансируя багром.

А ниже порога, там где начинался перекат, Валька увидел дядю Ефима. Он шел вдоль реки. Похожий на замшелый валун, берестяной короб размеренно покачивался из стороны в сторону.

Но вот дядя Ефим остановился. Сбросил на камни короб, откинул крышку и достал свой липочник. Он неторопливо подвязал жилку. Салазки, увлекая за собой крючки, потянули снасть на середину реки.

Валька стоял и смотрел до тех пор, пока салазки не достигли противоположного берега и не закачались возле камней. По всей ширине реки заплясали цветастые мотыльки, в которых были спрятаны острые и цепкие якорьки. Дядя Ефим зашагал назад, к порогу.

Теперь Валька знал, что делать. Он со всех ног пустился по гропке к оплотнику.

Весь омут был забит бревнами. Они сгрудились беспорядочным стадом, наползали одно на другое, дыбились. Вальке некогда было думать, почему отец не начал пропускать бревна. Он лихорадочно размотал конец каната и, бросив его в воду, побежал вниз, к порогу.

В секунду могучая струя развернула оплотник. Река словно выстрелила сотнями бревен. Набирая скорость, тяжелые стволы зазвенели в седых бурунах Аканкоски. И когда этот звон слился с ревом порога, Валька с испугом подумал, что залома не миновать. Казалось, грохотало все — и вода, и бревна, и камни, и даже деревья на крутых берегах Сулы.

Валька взбежал на скалу и посмотрел за уступ Аканкоски. Такой же лавиной бревна выныривали из бурливых водоворотов и стремительно уносились к перекату.

Валька увидел, как суетливо заметался дядя Ефим, как лихорадочно заработали его руки, спасающие снасть. Но было уже поздно. Бревна подмяли салазки [illegible] и оборвали все крючки.

Дядя Ефим растерянно глядел вслед уплывающей снасти. Потом он медленно смотал обрывок жилки и поплелся к своему «кошелику».

Когда рука отца опустилась на Валькино плечо, он вздрогнул от неожиданности.

— Все верно, Валек. Я видел. Здорово ты его подцепил. А заломчик мы разберем...

Отец и сын долго смотрели вслед берестяному коробу, который мертвой хваткой оседлал своего хозяина.

А древний Аканкоски шумел по-прежнему ровно и деловито.

ПРИВЕТ ИЗ ТУНДРЫ

...Только два дня назад мы добрались до норильского гидропорта Валек. На наш скособоченный катамаран, который гордым фрегатом летел по тихой глади озера Собачьего, словно трудяга-буксир нырял по белопенным волнам озера Глубокого и чудом выстоял перед мутными валами Мелкого, было больно смотреть, когда мы приткнулись к берегу в Вальке. Правая задняя лодка все-таки порвалась. Пришлось заменить ее крутоносой лодкой-трехсоткой. Но образцов за лето собрали так много, что трехсотка не в силах была нести такой груз. Палатка на палубе покосилась и провисла.

Словом, вид у нашего «Варяга» был плачевный. И все же мы были благодарны ему. Он честно боролся с ветром, волнами, сыпучими дождями и доставил нас к последнему причалу.

...А тундру я вначале увидел с самолета. Необозримые болота с островками ягельников, с редкими лиственницами, бурые торфяные валы, отделяющие крохотные болотные озерца.

Потом пришлось прочувствовать тундру собственными ногами, когда мы ходили в маршруты. Вязкая глина, торфяники, озерца, в которых нашли пристанище маленькие утки-чирки... А сухие торфяные бугорки были голубовато-розовыми. Голубизну им придавали ягоды голубики, а в розовый цвет были окрашены прибитые первым августовским заморозком листья кустов голубичника.

Но самое главное, что меня поразило, — это цветы. В ущельях скал плато Путорана в эту пору уже отцвели жарки — оранжевые сибирские купавки. Я положил в карман штормовки несколько головок жарков, чтобы посеять семена у нас в Карелии.

Однако самым удивительным цветком оказался полярный мак. Изящные бледно-желтые цветы тянулись к солнцу на своих ворсистых ножках. Казалось, они ловили последнее тепло уходящего лета. Склонялись под порывами ветра с Ламских гор и вновь выпрямлялись, чтобы оранжевыми тычинками поймать солнечный лучик. В горах еще лежал прошлогодний снег и вот-вот запорхают новые снежинки, а здесь, среди торфяных кочек, тянутся к солнцу нежнейшие из всех виденных мною цветы — полярные маки.

Я сорвал несколько коробочек с уже созревшими семенами мака и тоже спрятал в нагрудном кармане...

...Еще раз я видел тундру из окна вагона.

Из Валька в Норильск мы отправили все грузы на попутной машине, а сами добрались на автобусе.

Потом мы погрузили всю свою поклажу в железнодорожный вагон и отправились в Дудинку, чтобы пересесть на теплоход и добраться до своей базы в Туруханске.

В вагоне тепло, не чавкает под ногами раскисшая от обилия влаги бурая жижа, знай себе посматривай в окно. Редкие лиственницы и сплошной ковер серо-голубого ягеля, кочкарник, поросший уже пожелтевшей травой, в низинках настоящие джунгли карликовой березы.

Мерно стучат колеса вагона — «тук-тук, тук-тук». Не помню, в какой миг я почувствовал, что это стучат не колеса, а мое собственное сердце. Почему оно так стучит? Может быть, сказалась усталость от пройденного маршрута? Вряд ли, неделю мы отдыхали в гостинице «Норильск». Так почему же оно так стучит, мое

сердце? И вдруг я понял: ведь эту сентябрьскую тундру я вижу в последний раз, кто знает, забросит ли меня судьба снова в эти края...

И все-таки это была не последняя моя встреча с тундрой. Яркая и цветущая, она сама вошла в мою петрозаводскую квартиру...

Как-то в двадцатых числах мая приходит соседка Мила и говорит:

— Привет из тундры! — и протягивает мне букет полярных маков и жарков. — Помнишь, ты давал мне семена? Получай цветы!

Как тогда, по пути в Дудинку, сердце застучало снова. Какие же вы молодцы, полярные маки! Ведь сейчас и на Правом Кэлтэлларе, где я сорвал головки отцветших жарков, и в норильской тундре еще земля укрыта снегом. А здесь в Карелии, на берегу Шуи, вы уже тянетесь к солнцу...

Тепло короткого лета тундра отдает всему живому. И она зовет всех, кто делится с нею своим теплом. Вот и сейчас она позвала меня к себе снова нежными лепестками полярного мака. Не зря же, как только я увидел их, совсем по-иному застучало сердце.

«КРОВНЫЕ БРАТЬЯ»

Гоша родился и вырос в Ленинграде. Самые далекие путешествия, какие он совершал за свои семнадцать лет, это поездки с приятелем на дачу в Комарово.

Но разве это путешествия.

После купания они ложились на горячий песок и слушали, как шумят над головой старые прибрежные сосны.

Трудно сказать, ветер ли, запутавшийся в хвое сосен, поманил его в далекую сибирскую тайгу. Или, быть может, набегавшие с залива волны поведали ему о грохоте таежных рек.

Как бы там ни было, а решил Гоша своими глазами увидеть и тайгу без конца и края, и реки, которым тесно в берегах.

Начальнику отряда Гоша сразу понравился.

— Беру, — говорит. — Неделю на сборы — и в путь...

Когда счастливый Гоша выбежал из кабинета, я спросил своего товарища, бывалого геолога:

— А как ты считаешь, комарики нашего юношу не обидят? Намаемся мы с ним.

— Не думаю, — возразил Потапов. — Парень рослый, крепкий. В маршруте обвыкнет...

А через неделю туруханские летчики на гидросамолете перебросили наш маленький отряд на заполярное озеро Дюпкун.

Лето здесь только начиналось. На плоских вершинах гор и на уступах бурых скал еще лежал снег. Но лиственницы уже покрылись зеленым пухом хвои, проклюнулась молодая листва на березках и ольхе.

Стаи уток-морянок, растянувшись цепочкой, плавали по озерной глади. Пролетая над нашей палаткой, рыжеголовые крохали хрипло кряхтели — то ли от испуга, то ли от удивления.

При виде всего этого Гоша сиял от счастья. Он без устали карабкался по скалам, чтобы осмотреть наш лагерь с высоты, подкрадывался к куличкам, которые сновали в прибрежных камнях, и в первый же день притащил в лагерь старый олений рог.

С не меньшим рвением Гоша помогал и нам. Распаковывал тюки со снаряжением, накачивал резиновые лодки, выстругивал из тонких лиственниц удилища для будущих рыбалок. А когда вновь выдавалось свободное время, он для порядка говорил:

— Ну, я пойду поброжу, — и уходил обследовать окрестности бивака.

— Горячий парень, — подмигивал мне Потапов. — На первых порах все ему в диковинку. Ничего, обвыкнет...

В три дня мы закончили проверку всей амуниции и ранним утром свернули лагерь. Наши резиновые суденышки заколыхались по мелким волнам Дюпкуна. Гоша сидел на веслах в одной лодке с Потаповым. Я же в своей лодчонке подгребал следом за ними.

Уже к полудню наши посудины подхватила мощная струя Курейки. Берега поплыли мимо нас быстрее, а лодка, в которой сидел Гоша, волчком закрутилась по реке. Наш неутомимый исследователь, боясь пропустить что-либо интересное, то и дело оглядывался по сторонам, забывая про весла.

У первой же скалы, что отвесно вздыбилась над рекой, мы причалили к берегу. Нам надо было описать эту скалу и взять образец — отколоть камень и определить горную породу.

Опытный геолог Потапов сразу же по-хозяйски стал обстукивать молотком скалу. Я с рюкзаком следовал за ним как тень. И только Гошу нашего словно подменили. Он суетился возле лодок, возил себя ладонями по щекам, как кот, долизывающий лакомую сметану, и выделывал замысловатые коленца какого-то невообразимого танца.

— Что это с Гошей? — удивленно спросил я.

Потапов бросил взгляд на юношу и улыбнулся.

— Ничего особенного. Комарик появился, лето началось. Теперь комары — наши «кровные братья» до самой осени, пока не доплывем до Енисея. Я в прошлом году работал в нижнем тече-

ции Курейки, так этих тварей там видимо-невидимо. Значит, и здесь не меньше. Надо, пожалуй, бутылку с диметилом достать из баула, иначе у Гоши комар весь интерес к геологии отобьет.

А наш юный друг между тем все плясал возле лодок. Напуганный первой встречей с комарами, Гоша натянул на голову капюшон энцефалитки, до самых глаз опустил ободок накомарника и обмотал вокруг шеи тесемки. Затем извлек из своего рюкзака толстенные вязаные перчатки и спрятал в них уже горевшие от комариных укусов руки. Но, видно, самые настырные кусаки отыскивали все-таки лазейки, потому как юноша то и дело дергался и охаживал себя по лицу руками.

— Эх, сколько силы зря пропадает, — пошутил Потапов.

Комары, тучами налетавшие из тайги, окончательно убили в Гоше интерес ко всему окружающему. Устав махать руками, он съежился на валуне и прикрыл лицо непробиваемыми перчатками.

— О-о, Егорий, да ты никак совсем сник, — сказал Потапов, когда мы вернулись к лодкам. — Не вешай носа. Сейчас отплывем, а на середине реки они до нас не доберутся. Смотри, какой камушек мы нашли!

За какие-то полчаса, что мы пробыли на берегу, комары превратили жизнерадостного юношу в угрюмого старца. Не взглянув даже на наши образцы, Гоша вяло сполз на лодочное сиденье и опустил руки на весла. Лишь на середине Курейки, когда серое комариное облако заметно рассеялось, он немного выпрямился и глухим голосом спросил:

— Когда же они исчезнут?

— Я полагаю, после первых заморозков. Где-то в начале сентября, — со всей серьезностью пояснил начальник.

— Да? . Ну ладно... — понуро ответил Гоша.

В тот же вечер, устроившись на ночлег, мы натянули в палатке спасительные марлевые полога. Гоша, отказавшись от ужина, забился под свой полог и затих. Быть может, он сразу же уснул. А может, думал о своей незавидной судьбе и вспоминал песчаный пляж в Комарово, где хоть целый день сиди нагишом, тебя не тронет ни один комарик. Когда мы тоже завозились в пологах, укладываясь спать, вдруг неожиданно раздался Гошин голос:

— А в книжках пишут, что хозяин тайги — медведь... Теперь я сам знаю, кто хозяин тайги...

С той поры, когда по комариному календарю на Курейке настало лето, для нашего юного спутника начались настоящие мучения. Едва мы высаживались для работы на берег, Гоша безвольно плюхался на ближайший камень возле лодок, склонял голову к коленям и ждал нашего возвращения. Белый круг его

накомарника торчал над валунами, как шляпка выгоревшего на солнце мухомора. Кусаки живым облаком витали вокруг Гоши и так устрашающе гудели, что он потерял веру даже в спасительную жидкость диметил. Гоша еще на реке успевал намазать шею, лицо и руки, но, сойдя на берег и отыскав «свой» камень, все равно прятал все доступные комарам части тела в капюшон, накомарник и перчатки.

Нам комары надоедали не меньше. Но еще в прошлых маршрутах появилась привычка не обращать на них внимания. Накомарник спасал от тысяч, ну а единицы не в счет. Правда, мы все время двигались, а Гоша сидел на одном месте, привлекая к себе все новые полчища из прибрежных кустов. И комариный хор возле него всегда звучал более звонко.

— Они ж как волки, — клял своих мучителей Гоша, когда мы выражали ему свое сочувствие. — Ведь у них даже спины лохматые!..

— А наш друг начал оживать, — шепнул мне как-то Потапов. — Уже изучает своего врага.

Когда мы отчаливали от берега, комары не желали расставаться с нами. Они тоже собирались ехать и сотнями усаживались на наши спины и накомарники. Уже на середине реки Потапов рукавом стирал бесплатных пассажиров с Гошиной спины, а Гоша обрабатывал спину начальника.

Я же ложился на поклажу, пытаясь придавить бесплатных ездоков. Но это удавалось плохо. «Кровные братья» были начеку. Они слетали со спины и рассаживались по нагретым солнцем лодочным баллонам. И мне порой казалось, что какой-нибудь из этих комаров проткнет своим беспощадным хоботком мою надувную лодку. Уж больно решительно принимались они прощупывать резину.

Наш Гоша постепенно осваивался. Теперь за завтраком и ужином он смело выходил из палатки. Правда, в своих неизменных перчатках, накомарнике, с кинжалом на поясе. Этот кинжал он прихватил с собой из дому на самый крайний случай, если придется вступать в единоборство с диким зверем. Использовал же он его совсем иначе. Когда по мискам раскладывали пшенку, комары десятками валились в кашу, и Гоша кончиком кинжала выкидывал их из миски и из ложки. Правда, при такой еде он вместе с ошпаренными комарами выбрасывал и кашу. Новые комары налетали и вязли в миске. И эта процедура продолжалась. Комаров так много попадало в миску, что Гоша успевал съесть только половину порции. Когда же начальник предложил варить добавочную порцию каши, Гоша наотрез отказался:

— Привыкну. Научусь есть так же, как и вы... с комарами. —

заявил он. А пока привыкал, стал накрывать свою миску крышкой от кастрюли. И дело пошло на лад. Выручала Гошу и его прирожденная ловкость. Он наловчился с таким проворством зачерпывать полную ложку каши и отправлять ее под сетку накомарника, что комары не успевали уследить за ней.

Мы совсем приободрились, когда доплыли до широкого плеса. Здесь гулял добрый ветерок, который мигом сдул всех комаров. По зыбким волнам плясали веселые солнечные зайчики. И тут впервые Гоша откинул с лица черную сетку накомарника и улыбнулся.

— Так-то оно лучше, — сказал Потапов. — И дышится без этой паранджи вольготнее. Воздух-то какой!

— Ага... — ответил Гоша, выразив этим коротеньким словом всю ненависть к своим преследователям и ликованье при виде слепящего солнца.

Вечером, когда мы пыхтели под пологами, подсовывая края марли под спальные мешки, Гоша вдруг замер:

— Ти-и-хо...

Мы насторожились.

— В чем дело? — спросил я.

— Это я не вам. Это я комарику, — бодро заговорил юноша. — Он хочет ночевать в моем пологе, а я хочу прибить его. Ти-и-хо...

И после этого «ти-и-хо» раздалась звонкая пощечина.

— Челюсть не высади, — захохотал Потапов. — Парень-то ты дюжий. — И посоветовал: — Оглядись, Егорий, может, еще десяток залетел. Губи сперва явных, а потом тайных — тех, что еще из-под спальника не выбрались. А себя не очень-то увечь. Маршрут не закончен, ты для нас еще нужный человек.

Мы радовались тому, что наш новый спутник пересилил страх перед своими мучителями. И в то же время с тревогой ждали, как Гоша воспримет появление мошкары. А та появилась внезапно, после очень жаркого дня.

Едва мы проснулись, Потапов сказал:

— Ну, Егорий, держись! Твой враг подтянул новые силы.

— Какие силы? — недоуменно спросил в своем пологе Гоша.

— Выберешься на свет — узнаешь.

Я взглянул на окно палатки и в первую минуту не поверил своим глазам: нейлоновая сеточка в окне сгустилась. Она была сплошь усыпана мошками. Свет, бивший из окна, привлекал насекомых. Они сновали по сетке, пытаясь выбраться наружу.

— Ух, сколько! — воскликнул Гоша, высовываясь из-под полога. — Когда же они успели в палатку забраться?

Гоша юркнул под полог и стал одеваться.

День выдался жаркий. Нещадно палило солнце и жгла мош-

кара. Казалось, даже камни у скал, где мы высаживались за образцами, были укрытием для несметных полчищ мошкары. И ветерок, тянувшийся с реки, не помогал. Мошка лезла в глаза и в уши, заползала за ворот и в рукава наших энцефалиток. Через каждые полчаса работы на берегу приходилось браться за бутылку с диметилом и тщательно смазывать лицо и руки.

Спасительные Гошины перчатки обернулись для него несчастьем. Есть у мошек такая странность — заползать в укромные места, где потеснее, и там творить свои кровавые дела. И хотя мошкара кусает совсем неощутимо, в месте укуса начинается такой зуд, что потом невольно расчесываешь себя до крови. У Гоши на запястьях под перчатками образовались кровавые струпья.

Правда, не лучше выглядели и мы с Потаповым. Уши, руки и шея покрылись волдырями и горели огнем, словно мы только что вылезли из зарослей крапивы.

На стоянках Гоша снова принимал излюбленную позу гриба-мухомора.

— Они вреднее комаров, — клял Гоша мошкару. — Те хоть пищат, предупреждают. А эти исподтишка нападают.

Жара неожиданно спала. Небо затянуло тучами, пришедшими с гор Путорана. Начал накрапывать дождь.

Мы выбрали местом для лагеря небольшой залесенный островок посередине Курейки. Чтобы не ходить далеко за дровами, поставили палатку у края леса.

Дождь лил всю ночь. Утром проснулись под мерный стук капель о крышу палатки.

— Суши сухари, Егорий, — сказал Потапов, после того как выглянул на волю и обозрел вершины окрестных сопок. — Все в тучах, никакого просвета. Придется стоять лагерем на месте. Мокрую палатку не свернешь. А свернешь, так потом будет течь как худое решето.

Начальник подвязал входные полы палатки, чтобы можно было посматривать, не появится ли в тучах просвет.

Вылезать на дождь из теплых спальных мешков не хотелось. Все мы заснули снова, убаюканные монотонным шумом дождя и неумолчным звоном комаров, несметными полчищами забившихся под крышу от ненастья.

Проснулся я оттого, что кто-то завозился над ухом. Глянул сквозь марлевую сетку полога и ахнул. Рядом со мной стояла трясогузка с полным клювом комаров. Вот она подпрыгнула, ловко схватила еще одного и выпорхнула из палатки. Под ближайшим кустом заверещали птенцы, нетерпеливо выпрашивая корм.

— Гоша, проснись, — тихонько позвал я. — Посмотри, как трясогузка у нас в палатке порядок наводит.

— А я не сплю, — ответил юноша. — Я уже давно за ними наблюдаю. Сейчас сюда папаша пожалует...

И верно, пока мама-трясогузка раздавала голодным птенчикам добычу, на порог палатки опустился папаша, с черной манишкой на груди.

Проворно семеня ножками, он смело стал распоряжаться в нашей палатке. Обшарил лежавшие у порога сапоги, несколько раз вспархивал, чтобы схватить комаров с окна, и, быстро наполнив клюв, улетел к своим отпрыскам.

— Сколько же надо комаров, чтобы накормить птенца? — философски заметил Гоша. — Ведь комары — один тощей другого.

Когда человек начинает рассуждать, да еще под однообразный стук дождевых капель, он обязательно придумает что-то дельное.

И Гоша придумал. Он высунул из-под полога свою руку. Тотчас с остервенелым звоном в нее вонзили свои беспощадные хоботки добрый десяток комаров. Гоша мужественно терпел, глядя, как комары наливаются кровью.

В это время в палатку влетела мамаша-трясогузка. Увидев целое стадо лакомых комаров на Гошиной руке, она радостно цвикнула. На этот призывный клич тотчас явился супруг, и они вдвоем начали пересчитывать Гошины пальцы, склевывая напившихся кровью комаров.

Когда пичуги вылетели, Гоша высунул за полог левую руку. Дело пошло быстрей. Птичкам не надо было метаться по всей палатке и вылавливать комаров.

После очередной кормежки папаша появился на пороге с четырьмя птенчиками.

— Ух, сколько их набежало, — вполголоса проговорил Гоша. Теперь ему приходилось ловчить. Пока родители хлопотали возле одной руки, Гоша незаметно старался выставить другую.

Мы с интересом смотрели из своих пологов на веселое представление, которое устроил Гоша. Птенчики проворно сновали за родителями от одной Гошиной руки к другой.

— Ты, Гоха, так всех комаров им скормишь. А как мы спать будем без комариной колыбельной? — прошептал Потапов.

— Да их тут столько... — начал было Гоша, но сразу же осекся, зашептал: — А это что за гусь?

У порога на Гошином ботинке сидел маленький грязно-зеленый, мокрый с головы до хвоста птичик. У него был довольно жалкий вид. Пичуга, видать, изрядно промокла под дождем и с удовольствием сидела на башмаке, радуясь, что наконец-то над ней не каплет.

— Этого гуся я знаю, — ответил Потапов. — Это пеночка-зарничка. Да только не повезло ей сегодня с зарей.

4 731

Пеночка тут же на башмаке встряхнулась, взъерошив при этом намокшие перышки. Затем спрыгнула на землю и юрко, как мышонок, засуетилась возле наших пологов. Она, видать, проголодалась, поскольку комары вмиг исчезали в ее клюве.

Потом пичуга склюнула с Гошиных пальцев пару комаров. Но папаша семейства трясогузки отогнал непрошеную гостью, считая Гошины руки своей собственностью.

Трудно сказать, сколько времени продолжалось бы это веселое пиршество. Только, глядя на суетившихся пичуг, начальник как бы невзначай обронил:

— Да, голод не тетка. И нам не мешало бы подкрепиться, а то время уже к обеду.

Мы начали одеваться, а птицы разлетелись и спрятались от дождя под мохнатыми лапами елок.

Кое-как сварили уху и вскипятили чай. Завтракать забились под крышу.

— А тебе, Егорий, комар, как видно, нипочем? — спросил за завтраком Потапов. — Оказывается, и комара можно стерпеть.

— Привыкну... — многозначительно ответил Гоша, сам не замечая, что давно уже перестал бояться комаров.

Завершили мы свой маршрут глубокой осенью, когда начались заморозки и в воздухе закружились первые снежинки. Гоша забыл о комарах и стал настоящим таежником. Отлично ловил хариусов и даже подстрелил несколько уток.

И вот, уже сидя в Туруханском аэропорту в ожидании самолета, начальник неожиданно спросил:

— А что, Гоша, махнем сюда на будущий год?

— Возьмете?! — сверкнув глазами, вопросом на вопрос ответил Гоша.

— Какой может быть разговор! Ведь ты теперь стреляный воробей. Как же без тебя? Сколько каши вместе съели. И потом, у тебя в тайге осталось столько «кровных братьев»...

— Конечно, поеду! — горячо воскликнул Гоша, словно в маршрут надо было отправляться сию же минуту. — А комары и мошки — чепуха! Я больше из-за трясогузок... Вот бы снова подержать их в руках, как тогда...

ТРОЛЛИ НАЛИМЬЕГО ЛБА

На Нижней Тунгуске каждая мало-мальски приметная вершина или скальный выступ имеют свое название. Гора Коврижка, гора Нога, Дурной мыс или вот хотя бы этот самый Налимий Лоб...

...До Туруханска оставалось не более двадцати пяти километров. Для нас такой переход был сущим пустяком. Почти тысячу километров прошли мы на своем плоту по Нижней Тунгуске, и это удивительное судно ни разу не подвело нас. Можно было гордиться, что построили мы его собственными руками.

Рама плота и палуба покоились на семи пустых металлических бочках, сдвинутых торец к торцу, словно батарейки в фонарике. Для большей остойчивости к бортам прикрепили шесть резиновых лодок — по три с каждого борта. На плоту мы поставили палатку-десятиместку, таган для костра, да еще осталось место для пары бочек с бензином, десятка канистр и поленницы дров, которые мы заготовляли на каждой стоянке.

На Учамском пороге нас лишь чуть-чуть качнуло. На Большом несколько шалых волн прошлись по бортам и наплескали воды в лодки.

Правда, ниже поселка Учами плот сел на мель, но виноваты в этом были мы сами: проглядели. Когда бочки под плотом заскрежетали по гальке, все попрыгали в воду и, не разобрав, куда тянется мель, затащили свой «корабль» на еще более мелкое место. Пришлось потратить несколько часов, чтобы на казанке перевезти на берег часть груза и облегчить плот.

В палатке разместилось семеро — два отряда. Одним командовал Николай — высокий широкоплечий уралец с бурой бородой, которая закрывала ему всю грудь. Это была замечательная борода. Мы прозвали ее кормилицей. Дело в том, что ничья другая борода не годилась на изготовление мушек-обманок для ловли хариуса. Николай похохатывал, когда мы выстригали пучки волос из его богатой растительности, и приговаривал:

— Меня здесь вся рыба знает, уж пятый раз прохожу Тунгуску. Уважает...

Начальником второго отряда была женщина. Все звали ее на американский манер Мэм — слишком она любила отдавать приказания.

Уже спустились сумерки, когда на левом берегу показался поросший лиственницами и кедрачом каменный массив Налимьего Лба.

— Ночевать будем на правом берегу, — распорядилась Мэм.

— А почему не у Налимьего? — спросил Николай.

— Нельзя, — ответила она. — Там живут тролли.

Николай как-то двусмысленно хмыкнул, словно поперхнулся, но в ту же секунду Мэм громко крикнула:

— Тролли!

Звонкий возглас разнесся по долине Тунгуски, и через несколько секунд со стороны Налимьего Лба докатилось:

— Олли...
— Лоли...
— Оле...

Мы остолбенели. Мэм бросила на Николая победоносный взгляд и сказала:

— Убедился? Трое из них уже проснулись. — И, усмехнувшись, добавила: — Тролли работают по ночам...

Получалось, что Олли, Лоли и Оле действительно проснулись и следят за нами из крохотных пещерок Налимьего Лба.

Володька, наш бортмеханик, запустил «Вихрь», и плот, который норовил уже помериться силами с каменной твердыней Налимьего Лба, нехотя потащился к правому берегу Тунгуски.

Это были последние сотни метров, которые наш «Бич» — так мы нарекли свой плот в начале пути — шел под мотором. У самого берега «Вихрь» вдруг неестественно взвыл и пенная дорожка, взбиваемая его винтами, оборвалась. Мотор замолк.

— Тролли не любят шума. Это они испортили мотор, — сказала Мэм. — Надо браться за весла.

Мы по трое встали вдоль бортов и начали подгребать к берегу. Уже считанные метры оставались до леса, когда бочки под плотом заскрежетали по гальке. Еще раз стаскивать наше судно с мели никому не хотелось: силы были на исходе. Вчера мы вернулись из «боковушки» — пешего маршрута.

...Кое-как сдвинули плот с мели, и нас понесла река.

— Ну что ж, поедем в гости, — сказала Мэм.

Мы налегли на весла, направляя неуклюжее судно к Налимьему Лбу. Тунгуска старалась как могла, чтобы скорее доставить нас туда.

Над тайгой взошла луна. Серебряная дорожка перерезала всю реку и обрывалась в тени черной громадины Налимьего.

Когда мы вплотную приблизились к мысу, плот остановился как вкопанный. Гребли изо всех сил, но не сдвинулись с места.

— Давайте передохнем, — сказал Николай, — чертовщина какая-то.

Едва мы кончили грести, наш плот медленно пошел против течения, а вместе с ним поползла и лунная дорожка.

— Это тролли, — негромко произнесла Мэм.

Николай сплюнул в сердцах и склонился над водой. Его борода начала подметать лунную дорожку. Мы сушили весла и ждали приказа.

Наконец Николай хлопнул себя по лбу:

— Тролли, тролли, — пробормотал он, — да это же самое настоящее улово[1].

Мы разом все поняли. Налимий Лоб преграждал путь к реке и отбивал прибрежное течение.

— Кругом, ребята! — скомандовал Николай. — Греби дружней!

Мы стали грести в обратную сторону, и снова Тунгуска помогала нам. Вскоре плот приткнулся к широкой поляне, чуть выше Налимьего Лба. Мы зачалили его, забив в берег кол. На поляне в серебристом свете луны стояла высокая ель, а чуть поодаль теснился темный кедровый островок.

Наскоро поужинав, мы забрались в спальные мешки. Намаявшись с веслами, ребята разом уснули. А ко мне почему-то сон не шел. Я лежал с открытыми глазами.

Разные мысли приходили в голову в эти тихие минуты. Конечно, троллей нет и не может быть. Они живут в сказках. Мотору давно пора было выйти из строя. Улово устроила сама Тунгуска, она же намыла бесчисленные мели. И все-таки жалко, что не встретили троллей.

Усталость брала свое. Глаза начали слипаться. И вдруг мне показалось, что тролли рядом, за стенкой палатки, в черной громадине Налимьего Лба. Их зовут Олли, Лоли, Оле. Оле я знаю с детства. Это Оле-Лукойе — волшебный человечек, приносящий сон. Оле-Лукойе... Я слышу, как он стучит своими деревянными башмачками и спускается с Налимьего Лба. Явственнно слышу: «цок-цок-цок». Торопится он ко мне. И снова на берегу тишина.

Сон прошел бесследно. Я улыбаюсь в темноте. Наверно, я ошибся, это не Оле, а Лоли сбежал по каким-то своим делам к реке.

И тут доносятся новые звуки: легкий шорох и знакомые всплески. Какой-то зверь, может лиса, пришел к реке на водопой. Боясь потревожить сон ребят, я выбираюсь из спальника и откидываю полог палатки. От реки шарахается темный силуэт похожего на собаку зверя и исчезает в высокой траве. В эту секунду со стороны Налимьего Лба послышался легкий стук деревянных башмачков. Я обернулся и увидел на лунной дорожке круги. Никакой это не тролль и не гном, а просто камешек, сорвавшийся со скалы.

Я снова застегиваю спальник, прислушиваюсь, чего-то жду. Вокруг все тихо. Потом явственно различаю тихое постукивание башмачков и песенку. Это ко мне спускается с угрюмого утеса Оле-Лукойе. Конечно же, он несет мне сон...

---

[1] Улово — водоворот с обратным течением, который образуется перед скальным выступом или ниже порога.

...Проснулся я от истошного крика. Сразу и не разобрал, во сне это или наяву. Ребята спали как убитые, но крыша палатки уже посветлела. И тут снова пронзительное—«куик»! Кричала гагара. Пока я выбирался из палатки, она успела отплыть на приличное расстояние. В сердцах я выхватил из кучи дров тоненькое поленце и запустил в нее, но не попал. Крики гагары разбудили всех.

Я оглядел берег. При свете начинающегося дня Налимий Лоб показался мне не таким угрюмым, как в вечерних сумерках. Под елью, что высилась посредине поляны, стояла выбеленная дождями и солнцем палатка. Возле нее сидела, разглядывая меня, собака. Три женщины косили траву.

Полдня мы лазили по Налимьему Лбу, брали образцы. А дело это было не из легких. Крутой склон совсем не приспособлен для пеших хождений. Поставишь ногу на какой-нибудь выступ и выкалываешь образчик из нужного покрова. Да надо еще успеть поймать отколотый образец, иначе проворно нырнет в Тунгуску. Потом достаешь из рюкзака мешочек, заполняешь этикетку и прячешь образец в рюкзак. И так вот работаешь в течение нескольких часов, пристраивая то одну ногу, то другую. Со стороны наше лазанье по скале, наверно, выглядело довольно занятно.

Наконец настал час, когда мы выгребли плот на середину Тунгуски и река понесла нас к Туруханску.

Однако судьба приготовила нам новое испытание. Едва мы доплыли до Дурного мыса, с Енисея подул ветер. Палатка на ветру превратилась в самый настоящий парус, и плот довольно бойко пошел против течения.

— К берегу, ребята, и побыстрее! — скомандовал Николай.

С середины реки мы подгребли к берегу. Потом на длинной веревке-чалке сделали широкую петлю.

— Пойдем бечевой, — сказал Николай и первым накинул на плечо петлю. — Будем меняться через каждые полчаса...

...Когда настала моя очередь, я понял, как тяжел и неуклюж наш плот, как вязок берег перед Дурным мысом и как плохо, что нет здесь добрых гномов...

БОРОДАТЫЙ ХИТРЕЦ

Зима шла по пятам. Необычно ранняя. Еще лиственницы по берегам Чуни светились оранжевой хвоей, а березки вдруг разом сбросили листву и оголились. Их белые стволы зябко жались к стенам прибрежных скал. Приближался ледостав.

Мы все с большим беспокойством смотрели на реку, по которой плыли прихваченные морозом хлопья пены, рожденной на быстрине перекатов и в шумных порогах. Следом за этим «сало»[1] пойдет шуга — ледяная каша. Это означает, что каждую минуту резиновым лодкам — плавучей основе наших катамаранов — будет грозить прокол.

А впереди — ниже по течению Чуни — нас ждал знаменитый по всей реке порог Чунский замок. Как-то мы проведем там свой катамаран? Тем более, что камни в пороге наверняка уже обросли ледяной бахромой.

Вдобавок подходили к концу бензин и продукты. Правда, с бензином мы надеялись выкрутиться — пастухи-эвенки, встречавшиеся в верховьях Чуни, говорили, что у Паимбы топографы оставили несколько бочек. А вот с продуктами было сложнее. На рыбу рассчитывать не приходилось — она давно уже скатилась в Подкаменную Тунгуску. Единственный шанс — встретить выводок глухарей или подстрелить оленя. Но не будешь же все время глазеть по берегам, если едва успеваешь отталкивать веслом шуршащее по лодочным баллонам «сало».

Однако через день-другой мы убедились, что ледяная пена не причиняет лодкам никакого вреда, и перестали обращать на нее внимание. Все чаще всматривались мы в проплывающие мимо берега, в надежде приметить хоть какую-нибудь дичину.

Зорче других оказался моторист Леша. Он первым увидел оленя на мысу у речной излучины. Внезапно грохнул выстрел, взревел мотор, катамаран вильнул в сторону. Когда все обернулись, олень легкими прыжками уходил в горы.

— Зачем поторопился, — угрюмо проговорил Кащенко. — Давно не ел гречки с растительным маслом?..

Мы снова втянули головы в отвернутые воротники ватников и замолчали, погруженные в свои невеселые думы.

И все же Лешин выстрел воодушевил нас. Теперь каждый мечтал первым высмотреть хоть какую-нибудь живность. Уже начало смеркаться, и начальник отряда все чаще заглядывал в карту, чтобы подыскать наиболее подходящее место для ночлега.

И тут Гриша прошептал:

— Братцы! Глухари!

Все обернулись. На галечной косе, к которой вплотную подступали кусты тальника, темнели пять настороженных птиц — самый желанный подарок таежного царства Чуни.

---

[1] «Сало» — ледяные пластинки на воде в начале ледостава.

Кащенко дал знак мотористу, и катамаран мягко приткнулся к берегу. Гриша, схватив двустволку, юркнул в кусты, чтобы обойти глухарей со стороны леса.

— Смотрите, куда сядут, — приказал он всем, кто оставался на катамаране.

Надо ли говорить, с какой надеждой мы ждали выстрела. А Гриша все почему-то медлил, скрадывая дичь. Вдруг глухарь, стоявший ближе других к воде, взлетел и потянул вдоль берега вниз по течению реки. За ним дружно поднялись все остальные. И только сейчас до нас донесся звук выстрела.

Сияющий Попелуха вышел на косу и махнул нам рукой.

— Вот так и надо охотиться, — сказал начальник отряда, словно это он, а не Гриша добыл для всех пропитание.

Мы подрулили к косе, и Попелуха небрежным жестом бросил на катамаран молодого глухаря.

— Братцы, а остальные-то где? — спросил он. — Ведь тут же где-то расселись по листвягам.

Мы видели, что глухари, пролетев немного вдоль берега, расселись в темных развилках сучьев.

— Поглядайте, братцы, поглядайте, — полушутя подбадривал всех нас Попелуха, а сам, задрав голову, принялся обходить прибрежные лиственницы.

Мы настороженно вглядывались в каждую веточку. Глухари как в воду канули.

В охотничьем азарте Гриша все ломтил сапогами валежник, пытаясь вспугнуть затаившихся птиц. Наконец начальник позвал его на катамаран.

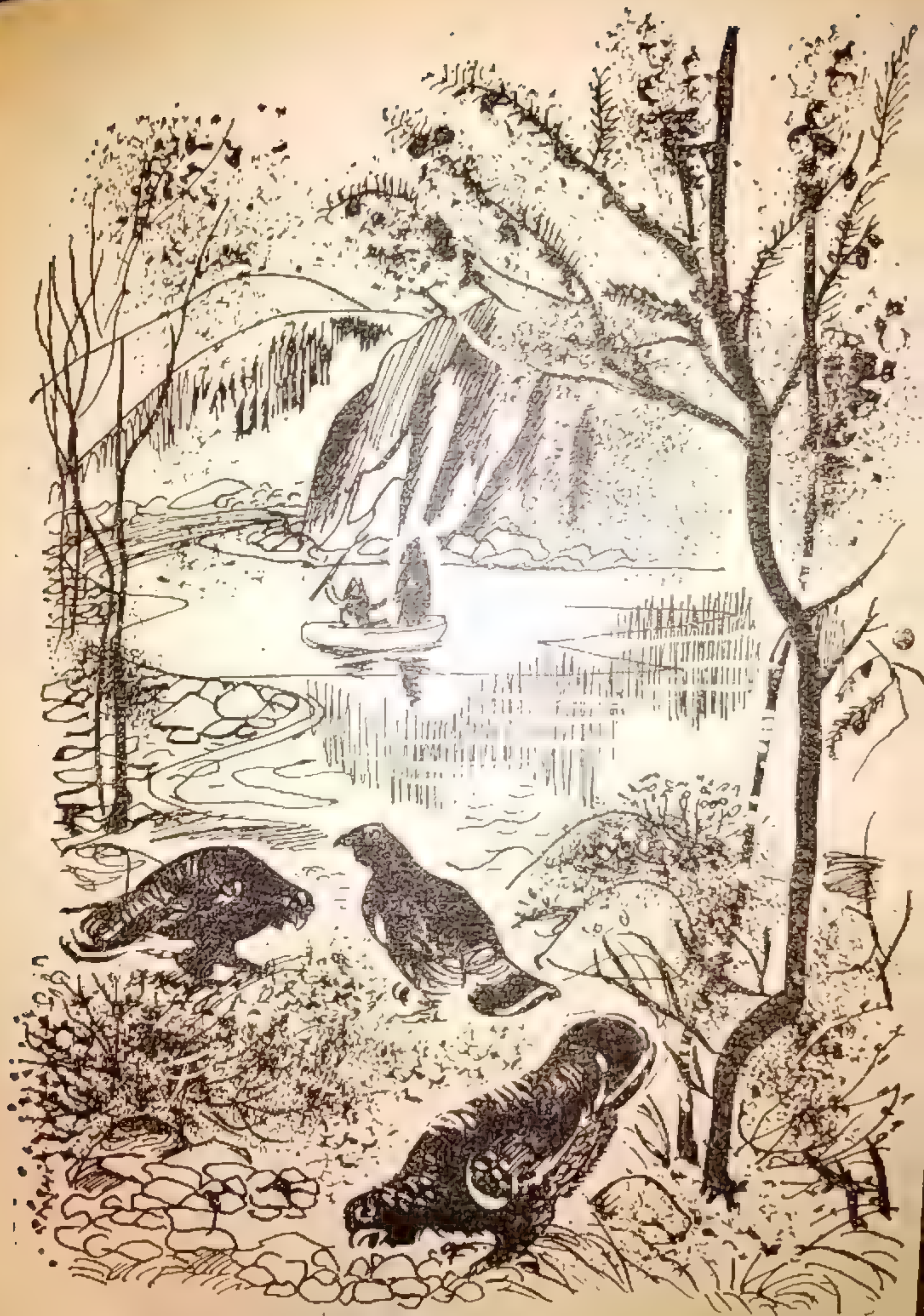
Оттолкнув наше неуклюжее судно от берега, Попелуха уселся поудобнее на расстеленную палатку и, сняв вязаную шапочку, отер ею с лица капельки пота. И в этот миг Гришины глаза округлились:

— Да вот он, братцы! Вот он!

Но Леша уже успел запустить мотор, и катамаран шустро заскользил вниз по реке.

Глухаря увидели все разом. Там, где только что стояло наше судно, над рекой склонилась старая высохшая лиственница. Лишь несколько корявых веточек топорщились у ее вершины. На одной из них стоял глухарь. Голова его была запрокинута к небу. Крылья вытянуты вдоль тела, как у солдата, когда он держит руки по швам. Лишь несколько перышек будущей «бороды», которая бывает лишь у старых петухов, топорщились, будто кусочек отставшей от веточки коры.

Весь вид птицы напоминал смиренного монаха в остроконечной шапке-клобуке. Словно этот монах, закрыв глаза, воздавал небу свою молитву.

Гриша, придя в себя, схватился было за ружье, но начальник придержал ствол рукой.

— Не надо, Гриша. Теперь уж пусть живет, если оказался хитрее тебя.

Когда наш катамаран отошел достаточно далеко, хитрый «монах» снялся с приютившей его лиственницы и снова опустился на галечную косу. За ним из лесной чащи слетелись клевать гальку и три других глухаря.

ДИКУША

...Десять дней наш маленький отряд спускался на резиновых лодках от города Томмота вниз по Алдану. На первой лодке — начальник отряда Александр Борисович. За ним — геолог Надежда Евгеньевна и ее дочь, десятиклассница Наталья. И замыкающим — я.

Наконец наша резиновая флотилия пристала к величественной скале, возвышавшейся на левом берегу Алдана. Название у этой скалы было подходящее — Дворцы. Так нарекли ее геологи, проложившие сюда свои маршруты задолго до нас. Почти на полкилометра вздымались над рекой желтые доломитовые стены. Их увенчивали серые колонны, подпиравшие розовые башенки. Природа изрядно потрудилась, чтобы из камня сотворить такое чудо. А на самом верхнем этаже росли сосны и лиственницы. Их кроны смыкались в сплошную зеленую крышу.

Мы разбили на берегу лагерь. Поставили две палатки, вытащили на сушу лодки, растянули антенну радиостанции, чтобы каждое утро выходить на связь со своей базой под Якутском. Словом, устроились со всеми полевыми удобствами.

Уже на следующий день геологи вышли в маршрут на Дворцы. В лагере остались мы с Натальей. Вместе приготовили обед. Захватив еду и термос с чаем, я поднялся наверх, под зеленую крышу Дворцов. Пока геологи обедали, я переложил в пустой рюкзак отобранные образцы. Потом по распадку спустился в лагерь. Нельзя сказать, что такое путешествие вверх-вниз — легкая прогулка. На подъеме цепляешься за каждый каменный выступ и высматриваешь, куда поставить ногу. А на спуске тяжелый рюкзак с образцами будто подталкивает тебя в спину. Ноги напряжены, один неловкий шаг — и ты уже скользишь вниз, увлекая за собой ворох острого плитняка.

Вечером геологи принесли второй рюкзак образцов. Мы разбирали их, рассматривали каждый камешек в лупу, и под увеличительным стеклом возникали крохотные существа — археоциаты

и брахиоподы. Вся эта окаменелая живность когда-то плавала в древнейших морях планеты. За миллионы лет море отступило, а дно его поднялось на сотни метров вверх. Вот и приходится теперь забираться на скалы, чтобы пройтись по дну доисторического моря.

Постепенно мы втянулись в работу и ежедневные подъемы-спуски стали привычными.

Как-то вечером мы с Натальей хлопотали у костра, поджидая своих из маршрута. Вдруг со стороны Дворцов раздался одиночный выстрел. Эхо его прокатилось по распадкам.

— Наши возвращаются, — отметила Наталья.

Через полчаса, действительно, на берегу показались геологи.

— Сегодня я с добычей, — радостно проговорил начальник отряда, подходя к лагерю. Он поставил ружье под козырек палатки и сбросил с плеч рюкзак.

— Смотри, какую тетерку я подстрелил, — сказал он и протянул мне серую с рыжими пестринками птицу. Когда я взял ее в руки и внимательно рассмотрел, то понял, что никакая это не тетерка, а самая настоящая дикуша.

В памяти разом всплыли прочитанные в детстве рассказы и охотничьи были, связанные с дикушей. Необычная это птица.

Самое удивительное, что она не боится человека. Услышав посторонний звук, дикуша в ту же секунду замирает, словно позабыв, что у нее есть крылья, которые могут унести ее от опасности.

Скольким охотникам спасла жизнь эта птица! Бывает, медведь помнет охтника, случается, подвернется нога на охотничьем путике. И может, не один день ползет промысловик к своей избушке-зимовью. Не рана, так голодная смерть подстерегает тогда попавшего в беду человека. И вдруг — дикуша вспорхнула на пути. Простой петелькой может снять охотник птицу. А это пища, это жизнь.

Вот почему промысловики оберегают дикушу и никогда не охотятся на нее.

Обо всем этом я рассказал начальнику отряда.

Александр Борисович смущенно развел руками:

— Если бы я знал...

Конечно, редкостную птицу, попавшую под нечаянный выстрел, уже не оживишь. А вот то, что от нее осталось, можно сохранить для ученых. До самых сумерек снимал я с дикуши шкурку, отделял зоб и желудок. Потом сколотил небольшой ящичек и запаковал в него этот драгоценный материал.

...Таежное лето подходило к концу. Поднимаясь по распадку под крышу Дворцов, мы замечали желтые прядки на ветвях берез. По утрам долина Алдана покрывалась туманом. Надвигалась осень.

Настал день, когда мы покинули эти удивительные скалы и тронулись дальше. Еще полмесяца мы плыли по реке и, причаливая к берегу то в одном, то в другом месте, отбирали образцы на обнажениях. Но такой красоты, как на Дворцах, встретить уже не довелось. Во время пути я пуще глаза берег свой ящичек с дикушей.

...Закончился полевой сезон. Сентябрьским утром я иду по набережной Невы. Осеннее солнце сверкает на шпиле Петропавловской крепости. Невольно мысли мои возвращаются к розовым башням далекого Алдана. Я крепко прижимаю к себе драгоценный ящичек и прибавляю шаг. Вот наконец и здание, куда я так торопился, — Зоологический институт Академии наук СССР. Здесь я передал свою дикушу ученым, а они подарили мне «Красную книгу». Теперь, отправляясь в экспедицию, я всегда беру ее с собой. На всякий случай...

ХОЗЯЙКИ КАМЕННОЙ ОСЫПИ

Когда летишь в самолете, пусть это и маленький АН-2, час, другой, третий, то привыкаешь к монотонному гулу мотора. Кажется, уже не существует никаких других звуков. Но вот наконец высаживаемся на берег озера Собачье. Летчики, едва мы оттолкнули «Антошку» от берега, сразу же поднимают самолет в воздух и, сделав прощальный круг, берут курс на юг, к Туруханску, где расположена наша база. Мы сидим на баулах со снаряжением и слушаем все тот же рокот мотора, пока он не растворяется в бесчисленных ущельях гор плато Путорана.

Наступает глухая, щемящая тишина. Мы остались совсем одни. Ни птичьего посвиста, ни комариного писка. Да и откуда им быть?! Птиц среди этих мертвых безжизненных скал очень мало. А комарам уже отошел срок — стоит конец августа.

Но вот какое-то монотонное шуршание начало настойчиво вкрадываться в окружающую нас тишину. Мы переглянулись.

— Кажется, воды многовато... — словно отвечая своим мыслям, сказал начальник отряда.

Мы рассмеялись. Еще бы! У наших ног лежало глубоководное озеро, по которому предстояло плыть километров пятьдесят.

— Зря смеетесь, — сказал начальник. — Когда подлетали, видели, сколько снегу в горах?

Конечно, мы видели и снег в ущельях, который так и не растаял в течение лета, и тощие струйки ручьев, и белые ниточки водопадов. Но при чем здесь этот шорох, доносившийся с противоположного берега?

— В первый маршрут мы пойдем по ручью, — пояснил начальник. — И лучше бы в нем было меньше воды. А он шумит...

...К вечеру у лиственниц, сбегавших к воде, встала наша палатка, под широким брезентом укрылись все вещи, а над костром, стреноженным таганом, повис казан, в котором булькала и торопилась свариться лапша...

Первый полевой ужин затянулся. Каждому было что вспомнить из прежних маршрутов. Одна бывальщина сменяла другую. И тут в нашу неторопливую беседу ворвался новый звук. На нашем берегу высоко в ущелье горы вода подмыла камень, и он с грохотом покатился вниз, увлекая десятки других. Мы все замерли, вслушиваясь в шум каменного потока. Казалось, гора сердито ворчала на непрошеных гостей.

Постепенно слитный рев камнепада раздробился на отдельные звуки и все стихло. Мы поняли, что опасность нам не грозит. Сорвавшиеся с вершины горы камни застревали на скалистых

террасах, а тем, которые скатывались ниже, путь преграждали лиственницы.

Ночью прошел сильный дождь. А утром сквозь рваные клочья туч начало пробиваться солнце. Озеро по-прежнему было тихим. В его остекленелой воде отражались плоские вершины гор, увенчанные тяжелыми облаками, и росшие по берегам деревья. Горы ворчали. Вздулись ручьи, напоенные ночным дождем, и то в одном, то в другом ущелье возникали каменные потоки.

Мы уже собрались у костра, как вдруг по ручью, падавшему водопадом с горы, что высилась за озером напротив нашего лагеря, сорвалась огромная каменная глыба. Она неслась, набирая скорость, и все новые валуны устремлялись следом за нею. Было похоже, что стадо каких-то диковинных животных, гонимое страхом, мчится за своим вожаком к спасительному лесу.

Подпрыгивая и грохоча, глыба достигла деревьев. Редкие лиственницы, рискнувшие вырасти выше полосы леса, в одно мгновение были переломлены, как спички. Наконец в самой чаще деревья остановили глыбу. Дробно процокали более мелкие камни — и все стихло.

— Вот так, — произнес начальник отряда. — Все видели?

Мы поняли, что он имел в виду. Еще на базе в Туруханске начальник проинструктировал каждого из нас. Предупредил, что в маршрутах нельзя подходить к краю обрывистых скал: базальтовые стенки обрывов растрескались и можно сорваться.

Бешеная скачка глыбы и срезанные ею деревья были красноречивым подтверждением слов начальника.

Настал день, когда на воде закачался плот-катамаран. Радист-моторист Виктор опробовал ходовые качества нашего неуклюжего судна. Мотор работал исправно, а плот слушался руля. Мы направляемся на северный берег Собачьего, чтобы уйти в первый маршрут.

В Собачье наш безымянный ручей впадает рядом с устьем реки Хоронен. Сверившись с картой, решаем пройти через лес и выйти на среднее течение ручья.

Полчаса подъема — и вершины толстых лиственниц уже маячат далеко внизу. Выше начинается корявый, изогнутый ольшаник. Продираемся сквозь него и наконец выходим к ручью. Но его нет. Сплошная каменная река, а сам ручей ушел под эти камни. В пору бурного таяния снегов ручей превращается в беснующуюся, кипящую реку. Вода сносит вниз валуны, устилая ими русло.

Подъем становится круче. Мы скачем с валуна на валун, взбираясь все выше. На коротких привалах всматриваемся в открывающуюся даль. Внизу, опоясанное зеленью деревьев, насколько хватает глаз, простирается Собачье. Наконец стены скал

стиснули ущелье и ручей стал самим собой. Голубая вода под порогами кипела пузырьками воздуха. И хотя в таких ямах было достаточно глубоко, на дне был виден каждый камешек.

Чем выше мы взбирались, тем чаще нам преграждали путь водопады. Это их воркотня доносилась до нашего лагеря все прожитые на берегу дни. Берем у водопадов образцы, а потом карабкаемся по осыпям, обходя отвесные стены скал.

Так прошел день. Рюкзаки потяжелели от собранных образцов. А ружья, которые мы взяли на случай встречи с медведем, оказались совершенно ни к чему. В этом царстве камня медведю делать нечего.

Уже замаячили снежники, которые питали наш ручей, когда пошел дождь. В надежде, что он скоро кончится, устраиваем привал под нависшим скальным карнизом. Но дождь все льет и льет, затянув мелкой сеткой плоские вершины соседних скал и занавесив серой пеленой озеро.

— Это надолго, — сказал начальник. — Возвращаемся в лагерь.

Мы покинули спасительный карниз и через пять минут промокли до нитки. Торопимся к лесу. Быть может, там, под деревьями, станет чуточку посуше. Но [illegible] новые потоки воды, теперь уже с листьев, обдают нас с головы до ног. Куртки прилипают к телу, вода хлюпает в сапогах. Когда дождь кончился, мы даже не заметили — все были мокрые насквозь.

От долгого спуска гудели ноги. Каждый шаг давался с трудом — валуны стали скользкими после дождя. Вдобавок тяжелый рюкзак с образцами словно подталкивал в спину.

Добрались до первых лиственниц, и тут перед нами открылась длинная каменная осыпь. Огромные замшелые валуны в беспорядочном нагромождении теснились у наших ног. И каждый был словно разукрашен золотыми пятнами лишайника.

Мы уже совсем выбились из сил и решили не обходить осыпь, а спускаться прямо по ней. Разбухший от воды мох срывался под ногой. Чтобы не потерять равновесия, то один из нас, то другой обнимал камень и сползал к следующей глыбе.

Вдруг я услышал резкий посвист: «вик-вик». Огляделся кругом — никого. Снова шаг, другой, и опять — «вик-вик». Неужели в этом каменном хаосе поселилась какая-то птица и наше вторжение потревожило ее?

Я остановился передохнуть и огляделся. Вдруг одно из рыжих пятен лишайника ожило и исчезло под каменной глыбой. Всматриваюсь пристальней и замечаю на замшелом темени валуна крохотного рыжего зверька, похожего на зайчонка.

«Так это же северная пищуха», — догадался я. «Вик-вик», — тревожно прокричал зверек и юркнул под камень.

Мне показалось, что пищуха предупреждает нас: «Вик — мох сырой! Вик — смотрите под ноги! Вик — не сорвитесь!»

Так, пока мы не миновали эту осыпь, пищухи словно эстафету передавали нас одна другой. И резким криком предупреждали об опасности.

Я впервые видел так близко этого зверька. Добравшись до последних валунов осыпи, я отыскал норку пищухи, достал из рюкзака сухарь и положил угощенье в пищухин дом. В знак благодарности.

ГЫДА

Перед самым отлетом из Диксона мой старый друг, известный полярный радист, подарил мне щенка.

— Возьми, — говорит, — отряд в сопки уйдет, а вам двоим веселей будет в лагере время коротать. Меня вспомнишь и, может, спасибо скажешь.

Щенку не было еще и трех месяцев. Ходил он как-то боком, вперевалочку, смешно переставляя голенастые с кривинкой лапы.

При каждом шаге висящие кончики ушей взмахивали в такт. Но стоило ему чем-нибудь заинтересоваться, уши настороженно выпрямлялись, как у настоящей лайки, и он, склонив голову набок, не сводил любопытного взгляда с незнакомого предмета.

Так он стоял и с удивлением разглядывал лохматые унты пилота, пока мои друзья-геодезисты не крикнули из самолета:

— Михалыч! Ты с нами полетишь или будешь ждать, когда из этого цуцика волкодав вырастет?

Я схватил щенка в охапку и поднялся вместе с ним в самолет.

Мои товарищи — веселые и острые на язык люди. И мне вовсе не хотелось, чтобы вместо звучной и красивой клички к щенку приклеилось обидное прозвище «цуцик» или «волкодав». Уже с первых минут полета я начинаю придумывать имя своей собаке.

Щенок лежит у меня на коленях и посапывает, уткнув нос в полу меховой куртки. Ему и дела нет до того, чем заняты мысли хозяина. Мне мешал сосредоточиться монотонный гул мотора, а может, я вообще не годился на роль крестного отца — во всяком случае, ничего подходящего придумать я не смог. Я уже начал было сетовать на друга: «Подарил собаку, а об имени не побеспокоился». А потом решил: «Ладно. Как только прилетим на Гыду, в первой же радиограмме спрошу, как назвать щенка. Пусть сам голову ломает».

И тут меня осенило. Первый наш лагерь будет стоять на реке Гыде. Именно там, в Гыданской тундре, моей собаке придется расстаться со щенячьим детством. И кто знает, может быть, там ждут ее суровые схватки с хозяевами тундры — полярными совами, песцами и злобными волками.

До самого конца полета я шевелил теплые, бархатные уши щенка и вполголоса приговаривал: «Гыда! Славный песик. Я тебя в обиду не дам. Никакой ты не цуцик. Ты Гыда!!!»

Самолет сделал посадку на льду небольшого озерка, неподалеку от берега Гыды. Мы быстро разгрузили его. Солнце было еще довольно высоко, но не хотелось задерживать летчиков: неизвестно, что может случиться с погодой через час-другой.

Пилоты пожелали нам ни пуха ни пера, и вот уже самолет поднялся в воздух, а снежные струи, закрученные могучим винтом, рассеялись по насту. Темная точка нашего АН-2 уносилась на северо-восток, к Диксону.

Отряд сразу же включился в работу. Мы перетаскали к берегу реки инструменты, продукты, палатки, рацию и резиновые лодки. А мой песик, обрадованный, что наконец-то самолетная тряска кончилась, носился от озерка к реке и обратно. Когда разрывали снег, ставили палатки, загоняли в промерзшую землю

колья с железными наконечниками и подвязывали растяжки антенн, щенок крутился у самых ног. Парни отмахивались от него рукавицами и добродушно журили:

— Не мешай-ка ты нам, братец. А то не будет у тебя крыши над головой.

А я, больше для того, чтобы отвлечь своих друзей от всяких несолидных «цуциков», то и дело строго приказывал: «Гыда, сюда! Гыда, не смей! Гыда, сиди!» И столько раз повторил за день придуманную мною кличку, что вечером, когда все собрались за ужином, парни наперебой подсовывали общительному песику лакомые кусочки и как один называли его Гыдой.

2

Весь май мы простояли на берегу Гыды. Еще на лыжах, по насту мои друзья облазили все окрестные сопки. Пес быстро привык к тому, что на рассвете люди уходили в маршрут и под вечер возвращались. Каким чутьем он определял, что отряд идет к лагерю, трудно сказать. Но бывало, еще за четверть часа до их прихода Гыда пулей вылетал из палатки и убегал в тундру.

Первое время я тревожился за него, как бы за сопками не нарвался на волка, но потом успокоился. Гыда стал для меня настоящим сигнальщиком. Стоило ему выскочить из палатки, я ставил на горячую печурку кастрюли с едой — знал, что скоро придут уставшие за день парни.

Гыда заметно подрос за этот месяц. Выпрямились и вытянулись его ноги. Уши уже не ломались и всегда стояли торчком. Он все больше походил на свою родню — восточно-сибирских лаек.

Весна уже постучалась в двери Гыданской тундры. Полярное незаходящее солнце днем жгло снега. Но едва оно скрывалось за сопки, мороз так схватывал капельки талого снега, что они превращались в лед, и наст гудел под ногами.

В такие часы дороги открывались по всей тундре. И мои друзья пользовались услугами мороза: уходили пешком, а лыжи и приборы тянули за собой на легких санках. Днем, когда солнце добиралось до самой высокой небесной точки и снеговой «асфальт» не выдерживал тяжести человека, геодезисты были уже на какой-нибудь сопке. А там они обходились без лыж.

С каждым днем вершины окрестных сопок все больше освобождались от снега. Их бурые макушки казались издали старинными папахами, отороченными белым горностаевым мехом — границей снегов.

Как-то вечером, когда парни вернулись из тундры и рассказывали о своем переходе, Гыда, положив голову на вытянутые лапы, дремал возле гудящей жаркой печурки. Вдруг неведомая

сила подбросила его, и пес стремительно бросился в дверь палатки.

— Эк припекло нашего Гыдана! Разоспался, чуть уголек из печки не проглотил, — смеялись парни, шутя разыскивая уголек, которым будто бы прижгло Гыду.

Вдруг за брезентовой стенкой послышалось глухое рычанье и раздался пронзительный вопль нашего пса.

— Волки! — подумал я и, схватив карабин, выскочил из палатки.

Первое, что я увидел, — это клубок грызущихся зверей. Где-то в самой середине был мой Гыда. Стрелять из карабина в эту мохнатую кучу — значит случайно подстрелить Гыду.

В два прыжка я приблизился к свалке и тут только разглядел, что все противники Гыды — собаки, покрытые длинной пушистой шерстью. У меня не было времени раздумывать, откуда тут взялись собаки. Прикладом карабина я начал разбрасывать налетчиков, чтобы хоть как-то помочь моему Гыде.

Собаки бросились врассыпную, и лишь одна, скуля и взвизгивая, крутилась на месте: на загривке у нее висел мой отважный пес. Только я освободил пленницу Гыды, как она трусливо отбежала в сторону.

Из-за палатки появилась оленья упряжка. На нартах сидел человек. Тормозя ногой по насту, он остановил оленей. В пять минут все прояснилось.

— Зачем не стрелял? — спросил каюр, протягивая мне руку.

Каюром оказался Уялгын — пастух одного из ненецких оленеводческих колхозов. Два года назад я ремонтировал колхозную радиостанцию и тогда познакомился с Уялгыном.

— Как же стрелять, если это собаки? — удивился я.

— Собак стрелять не надо. В воздух стрелять надо. Эти собаки сколько злые, столько карабин боятся. А твоя собака хорошая, пять мои не боится.

Уялгын распряг оленей и отвел в соседний распадок[1], а сам остался ночевать в нашей палатке. Его собаки в присутствии хозяина помирились с Гыдой. Но все-таки мы не решались выпускать щенка на улицу одного.

Наш гость рассказал, что пастухи колхоза гонят стадо на летние пастбища — к берегам самого большого на Гыданском полуострове озера Ямбуто.

— Лето будем пасти, осень будем пасти. Зиме снова приведем олешки Гыда-яха[2], — пояснил Уялгын. — Утром стадо дальше гонять будем.

[1] Распадок — ущелье между сопками.
[2] Гыда-яха — река Гыда.

Наутро, едва из-за сопок выдвинулся край солнца и заискрился наст, показалось стадо. В нем было больше тысячи оленей. Пастухи, товарищи Уялгына, решили не делать остановки в нашем лагере и погнали стадо дальше.

— Сколько олешки надо? — спросил на прощание Уялгын.

Мы наотрез отказались. У нас еще большой запас продуктов. И чем меньше он окажется до вскрытия рек и озера Ямбуто, тем легче нам будет вести лодки по Гыде и Ямбу-яхе. Там на прибрежных сопках мы будем работать все лето.

— Ладно, — сказал Уялгын. — Ямбуто придете, самый жирный олешка угощать буду.

3

Наконец в тундру пришла настоящая весна, крикливая и шумная. Тысячи гусей, уток, лебедей, куликов вернулись к родным гнездовьям. На каждом озерке, освободившемся ото льда, крякали, гоготали, пересвистывались птицы, жизнь которых связана с водой и лохматыми кочками.

Заквохтали, забеспокоились куропатки, довольно молчаливые в пору снегов.

Вскоре и снега не стало. Его остатки хоронились лишь в глубоких оврагах, куда солнце заглядывало на час-другой. Звонкое, голосистое лето с запахами цветущей голубики и распускающихся листочков карликовой березки уже спешило к нам.

По реке еще шли льды. И хотя работы на Гыде мы завершили, пришлось ждать, когда кончится ледоход и река очистится. Ведь для наших резиновых лодок любая льдина что острый нож.

Парни с утра уходили на охоту, и наша кухня всегда была обеспечена свежей дичью.

Однажды, закончив сеанс связи с Диксоном, я взял ружье и, окликнув Гыду, отправился в тундру. Гыда и раньше ходил на охоту с парнями. Но проку от него не было никакого. То распугает уток на озерке, то разгонит стаю куропаток. И парни отказались брать его с собой, больше ходили в одиночку.

— Учи свою собаку сам, — говорили они.

...Гыда радовался тому, что я с ним пошел побродить. Он как угорелый носился по кустам густого тальника, которым заросли журчащие в распадках ручьи, самоотверженно шлепал по лужам и, остановившись в сторонке, поглядывал: идет ли хозяин?

В то утро мне здорово повезло. Переправляясь через ручей, я услышал звонкое гаканье: на меня летела пара гусей. Я успел сорвать ружье с плеча и выстрелить. Летевший впереди гусак перевернулся в воздухе и упал в кочкарник. Пока я выбирался

из оврага, Гыда был уже возле добычи и остервенело трепал гусака.

«Вот вам и наука,— вспомнил я о разговоре с друзьями.— Потреплет Гыда гуся и узнает, что такое дичь. Отличным помощником будет».

Но моим мечтам, видно, не суждено было осуществиться.

Уложив гусака в рюкзак, мы снова пошлепали по чавкающим кочкам. Гыда бежал то впереди меня, то слева, то справа. Я радовался неутомимости Гыды и ждал, когда он отыщет стайку уток и отвлечет ее, чтобы я тем временем мог сделать дуплет. Но утки, всполошенные Гыдой, взлетали гораздо раньше, чем я успевал подойти на выстрел.

Бесцельно проболтавшись по тундре полдня, я повернул назад к лагерю. В душе я ругал своего бестолкового помощника. Не будь его со мной, я бы сумел подобраться к уткам. Нет, на такую охоту Гыду лучше не брать.

А тот, не ведая о моих мыслях, бойко шнырял где-то впереди.

Вдруг я увидел, как Гыда настороженно замер, а затем прыжками кинулся к одинокому кусту тальника. Навстречу ему из-под куста метнулась гусыня. Истошно гогоча, она ударила Гыду своими распахнутыми крыльями и долбанула оторопевшего пса тяжелым клювом. Гыда пробовал было увернуться, но откуда-то налетел гусак, и они вдвоем принялись тузить моего незадачливого помощника.

Не знаю, сколько ударов пришлось на бедную голову Гыды, только под конец он кинулся со всех ног искать у меня защиты. Гусак и гусыня поднялись в воздух и, беспокойно гакая, улетели к сопкам.

Гусиная пара приняла моего Гыду за песца, которые в это время шарят по гнездам и разоряют их. В иное время гуси вряд ли решились бы дать такой дружный отпор непрошеному гостю.

До самых палаток Гыда не отставал от меня ни на шаг.

Когда мы пришли в лагерь и я достал из рюкзака гуся, парни немало удивились.

— Смотри-ка, с хозяином Гыда научился охотиться.

— Молодец, Гыда, такого гусачину помог хозяину добыть. Ай да собакевич! — наперебой расхваливали они моего бездарного помощника.

Я не стал разуверять их в способностях Гыды. Ни слова не сказал про то, как его отделали гуси. А поколотили они его здорово. С того дня, как ни уговаривали парни Гыду идти с ними на охоту, как ни звали, он всегда оставался в лагере.

4

Долгие месяцы, проведенные Гыдой в тундре, не всегда были для него легкими и безоблачными. На его долю выпадали довольно суровые испытания. Но каждый день прибавлял Гыде собачьей мудрости. Он превращался в доверчивого и в то же время бесстрашного пса.

Наконец настал день, когда мы сняли свой лагерь и отправились вверх по реке Гыде. Деловито тарахтел подвесной лодочный мотор. Кусты тальника, выпрямившиеся после весеннего половодья, прощально кивали нам зелеными ветвями. Мы плыли открывать новые земли.

Гыда, как заправский капитан, стоял на носу лодки и внимательно следил за убегающими берегами.

Потом наши лодки вошли в правый приток Гыды — реку Ямбу-яха, которая берет начало в озере Ямбуто.

Несколько раз мы делали остановки на этой реке для ночевок. Берег у Ямбы-яхи невысок. Взойдешь на него — и насколько хватает глаз тянется тундра. А по ней, словно осколки стекла, рассыпаны сверкающие на солнце крошечные озерки.

Весь июль и август наш маленький отряд работал на берегах озера Ямбуто. Уялгына и его товарищей-пастухов мы так и не встретили. Правда, на сопках парни видели следы большого оленьего стада и однажды в распадке нашли старое кострище.

Полярный день давно кончился. А с ним пошло на убыль и короткое северное лето. Холодные ветры Карского моря гнали над тундрой табуны темных клочкастых туч. Потянулись серые дождливые дни.

Чтобы скорее закончить работу, парни уходили в сопки даже в дождь. И теперь в палатке оставался я один. Гыда тоже убегал с ребятами.

Однажды под вечер мы собрались в одной палатке и слушали радио. Гыда, развалившийся на спальном мешке, дремал. Вдруг, уловив какой-то посторонний звук, он насторожил уши и вскочил. Мы выключили приемник и тоже прислушались. За стенкой палатки что-то сухо потрескивало. Словно кто-то ломал макароны.

Гыда уже стоял у выхода и нетерпеливо повизгивал, ожидая, когда кто-нибудь из нас расстегнет деревянные пуговицы на двери.

Он вымахнул из палатки, едва не сбив меня с ног, и громко залаял.

— Хор-хор! Не шуми, Гыда! Не пугай олешки, — донесся из серых сумерек знакомый голос Уялгына.

Наша палатка оказалась в окружении танцующего леса: вокруг нее толпились олени-рогали.

— Теперь будем ваши гости, — весело сказал Уялгын. — Олешки пригнали Ямбу-яха. Пасти будем.

Пастухи — товарищи Уялгына — распрягли оленей, и в считанные минуты рядом с нашими палатками встали два островерхих чума.

А Уялгын хлопотал возле своих нарт и с нарочитой укоризной выговаривал:

— Ай-яй. Нехорошо. Ямбуто были, к Уялгын не пришли. Следы ваши видел. Мои олешки рядом Ямбуто были. Не хотел жирный олешка кушать, давай котел, сам варю. А ты чай вари.

Приезд Уялгына был для нас очень кстати. Внезапно наступившая зима лишила нас разом и дичи, и рыбы. Теперь же мы могли не беспокоиться о продуктах. Уялгын и его друзья вдоволь снабдят нас олениной.

Целую неделю наш лагерь пировал. Вечерами мы слушали рассказы Уялгына и его товарищей об их приключениях в тундре. Когда Уялгын гнал оленей к Ямбу-яхе, на стадо напала волчья стая. Собаки пастухов смело вступили в бой с волками, и трое поплатились жизнью. Их унесли в тундру волки.

По утрам оленье стадо серыми ручьями растекалось по сопкам на укрытые снегом ягельники. А к ночи пастухи перегоняли оленей в распадок, чтобы уберечь их в случае бурана. И с каждым днем стадо уходило все дальше и дальше от нашего лагеря.

Через неделю Уялгын и его друзья в последний раз пришли к нам в палатку.

— Однако идти надо. Олешки гонять, — сказал Уялгын. — Ягель тут остался совсем мало. Когда, Михалыч, снова Гыдан придешь?

Я ответил, что на будущее лето наш отряд снова прилетит на Гыданский полуостров.

— Встречать буду, — улыбаясь произнес Уялгын.

Как мы ни отказывались, пастухи оставили нам на прощанье целую оленью тушу.

5

На следующий день за нами прилетел самолет.

Услышав гул самолета, мы высыпали на берег и развели костер, чтобы летчики могли определить направление ветра. АН-2 развернулся над лагерем и, снижаясь, заскользил по снежной целине реки.

Мы, как настоящие зимовщики, тискали в объятиях пилотов и бортмеханика. Гыда бегал вокруг самолета и обнюхивал его широченные лыжи.

Пока пилоты распивали в палатке чай, бортмеханик копался

в самолете. Вскоре он пришел расстроенный, сообщил, что при посадке повредили крепление одной лыжи.

— Придется разбирать, — сокрушенно сказал он.

До самых потемок пилоты вместе с бортмехаником ремонтировали самолет. Осталось сделать самую малость, но наступила ночь.

Я сообщил на Диксон, что командир самолета решил вылететь утром.

Но вылететь нам не удалось. Ночью засвистел ветер, захлопали стены палаток, закрутилась поземка. Вместе с пилотами мы вылезли из теплых спальных мешков и всеми веревками, которые у нас были, принялись закреплять самолет за прибрежные кусты и колышки, которые с трудом загоняли в мерзлый берег.

Далеко за полночь, измученные и усталые, мы заснули тяжелым сном. Не знаю, сколько часов мы спали, но когда я проснулся, за тоненькой парусиновой стенкой палатки по-прежнему свистел ветер и царапал наше жилище колючими когтями снежинок.

Три дня не унималась пурга. Самолет все больше тонул в снегу. Уже скрылись под снегом лыжи. Летчики каждый день запускали двигатель, и вихри от винта сдували часть снега.

Из Диксона шли невеселые вести. Там тоже бушевала пурга.

На четвертый день мы заложили в котел последний кусок мяса, оставленного нам Уялгыном, и засыпали последнюю горсть крупы. Мы уже сетовали на то, что не взяли у Уялгына больше оленины.

И только Гыде будто и дела не было до нашей беды. Он бродил по палатке, прикладывал свою лобастую голову на колени то одному, то другому и вопросительно заглядывал в глаза.

— А ты, Гыдан, есть не хочешь? — спрашиваю я, когда он начинает тереться о мой валенок. В ответ пес радостно виляет хвостом и, словно для того, чтобы развеять настроение людей, громко гавкает.

Я наливаю в миску остывшего кипятка и предлагаю Гыде. Пес несколько раз лизнул и отошел в сторону. У него и впрямь был сытый вид.

— Может, Гыда в тундре мышей наелся? — сказал начальник нашего отряда. — Ведь он уже два раза выходил из палатки.

Я не мог поверить, чтобы в вихрях снега пес мог поймать мышь. И когда Гыда в третий раз начал скрести снег у порога, я выпустил его, а сам пошел следом...

После того как вьюга похозяйничала в тундре, от нашей тропки, которая вела к реке, не осталось и следа. А снежные валы вдоль нее выросли в настоящие барханы.

Но что это? Увязая в снегу, Гыда подошел к одному бархану и начал проворно работать лапами. В несколько секунд он

прорыл глубокую нору и исчез под снегом. Я с интересом наблюдал за действиями собаки и думал: неужели мышь настолько глупа, что станет терпеливо ждать, когда ее сцапает пес?

Наконец появился Гыда. В пасти у него был здоровенный кусок мяса. Пес улегся тут же у снежной норы и с аппетитом принялся грызть мороженое мясо.

Друзья немало удивились, когда я вошел в палатку с добрым куском оленины.

— Ты что, Михалыч, на черный день припрятал? — спросил начальник отряда.

— Припрятал, да не я, а Гыда. Видно, пока Уялгын жил в нашем лагере и мяса было вдоволь, Гыда запасся провиантом.

Парни не скупились на похвалы Гыде. А когда сварили оленину, все косточки до единой были отданы нашему кормильцу.

В эту ночь мы забрались в спальные мешки в хорошем расположении духа.

— Братцы, а что если Гыда пойдет по своим кладовкам ночью? — спросил вдруг кто-то из парней.

— И то верно. Ты бы, Михалыч, привязал Гыдана. Голод ведь не тетка, будь она неладна эта пурга, — посоветовал начальник отряда.

Я взял тонкий тросик антенной растяжки. Один конец намотал на руку, другой пристегнул к ошейнику Гыды.

Под утро я почувствовал, что кто-то потянул меня за руку. В палатке все спали, а у входа нетерпеливо поскуливал Гыда. Я мигом оделся и вышел вслед за псом. Он тотчас исчез в беснующихся снежных вихрях. И если бы не туго натянутый тросик, я бы подумал, что Гыду унесла свистящая поземка. Проваливаясь по пояс в снегу, я еле поспевал за Гыдой.

Но вот тросик ослаб, и когда я подошел к собаке, Гыда уже рыл нору.

Я чуть не расцеловал друга, когда он выбрался из-под снега с таким же куском оленины, как накануне. Гыда словно почувствовал, в какую беду попали люди, и положил добычу к моим ногам.

Когда все в палатке проснулись, печурка гудела, а в котле варилось мясо.

Девять дней над Гыданской тундрой беснowалась пурга. Девять дней в плену находился наш маленький отряд и экипаж самолета. И пять дней из девяти нашим кормильцем был Гыда.

Пурга утихла так же внезапно, как и началась. Мы проснулись от тишины. Выбравшись из палатки, увидели над сопками краешек солнца, выплывавшего из-за сопок, и ослепительно сверкающую снежную целину.

Пока пилоты заканчивали ремонт самолета, мы свернули палатки и погрузили все снаряжение.

Нашему спасителю Гыде предоставили самое лучшее сиденье у окна. Но когда самолет задрожал и тронулся с места, Гыда перебрался в проход и улегся на тюках.

Встречать наш самолет в Диксоне пришло много людей. Был среди них и мой друг-радист, подаривший мне Гыду. Когда мы обнялись, я сказал другу:

— Спасибо тебе за подарок. Собаке цены нет...

А Гыда недоуменно смотрел на нас и совсем не догадывался, о чем мы говорим.

ЮРКИН ТАЛИСМАН

Самую большую стаю тайменей я обнаружил в устье маленького каменистого ручья. Высоко в горных ущельях солнце растапливало последние снежники, они-то и питали водой этот ручей.

Тайменей привлекала сюда не только холодная, освежающая струя, но и густые косяки рыбки-невелички гольяна, сновавшие взад и вперед на мелководье.

То один таймень, то другой, сверкнув малиновым хвостом, словно пятнистая торпеда, врывался в косяк гольянов, и в ненасытной пасти речного леопарда исчезали сразу несколько рыбешек.

Нам надо было пополнить запас рыбы, и начальник отряда Сергей Леонидович приказал сделать остановку.

Вооружившись спиннингами, мы вдвоем принялись полоскать свои блесны в устье ручья. И только наш техник Юрка, доведенный мошкарой до отчаяния, наглухо затянул тесемки накомарника, спрятал руки в рукава тужурки и уныло смотрел, как мы вытаскиваем на берег одного тайменя за другим.

Мы знали, что в душе Юрка клял этих тайменей. Ведь это из-за них пришлось высаживаться на берег к великой радости остервенелой мошкары, от которой только на самой середине Курейки и было спасение.

Уже пять тайменей били яркими хвостами на берегу. А за нашими блеснами дружно кидались их сородичи. Но не каждому мы предлагали свои блесны. Сергей Леонидович еще перед началом рыбалки предупредил:

— Ловите молоденьких. Их вялить хорошо.

Так что всю свою сноровку мы тратили на то, чтобы блесна не застряла в пасти какого-нибудь десятикилограммового тайменя.

Видя, как мы лихо управляемся с тайменями, Юрка наконец не выдержал. Презрев мошкару, он начал разматывать спиннинг, чтобы испытать свое рыбацкое счастье.

А что у Юрки не было этого счастья, мы знали точно. Уже десять дней мы плывем по Курейке, но ни один таймень не польстился на его блесну.

Правда, блесна на Юркином спиннинге была особенная: величиной с ладонь, раскрашенная черными полосами, она одновременно походила и на камбалу, и на горбача окуня. Как мы ни уговаривали Юрку сменить блесну, он всегда отказывался.

При каждом забросе эта блесна с такой силой шлепалась о воду, что по всему берегу начинали тиликать перепуганные кулички. И не случайно Юркину блесну прозвали в отряде колотушкой. Когда он начинал забрасывать ее, мы с Сергеем Леонидовичем уходили вниз по реке и выбирали место поспокойней. Знали, что Юрка своей колотушкой распугает рыбу на полверсты от места ловли.

Едва Юрка взял в руки спиннинг, мы прекратили рыбалку.

— Рыбы уже достаточно, — сказал Сергей Леонидович. — Посмотрим, как таймени будут шарахаться от Юркиной колотушки.

Наш юный друг не заметил, что мы отложили свои спиннинги. Чтобы не мешать нам, он деликатно перешел вброд ручей и остановился на камнях у места впадения ручья в Курейку.

Мы с нескрываемым интересом следили за действиями Юрки.

Первый, второй, третий... пятый забросы были неудачными. Блесна падала в нескольких метрах от берега. Но Юрка не отчаивался. Он с завидным упорством сматывал лесу и снова взмахивал удилищем.

— Давай, давай! — ободряюще крикнул Сергей Леонидович. — Дело пойдет!

Наконец Юрке удалось сделать настоящий заброс. Колотушка крупнокалиберным снарядом взвилась в небо и, описав большую дугу, исчезла в пучине реки. Юрка деловито начал наматывать жилку на барабан катушки.

Когда блесна проходила мимо нас, она была похожа на осколок выщербленного медного солнца, каким оно бывает в час заката. Из всей стаи пятнистых рыб лишь два, наверно самых голодных, тайменя кинулись следом за Юркиной колотушкой, но почти сразу же свернули в сторону. Похоже, добыча была им не по силам.

— Бросай снова туда же, — посоветовал нашему юному другу Сергей Леонидович. — Они страшно интересуются твоей блесной.

Новый заброс мог сделать честь самому опытному спиннингисту. Будь Курейка в этом месте чуточку поуже, Юркина колотушка наверняка оказалась бы на другом берегу.

Едва Юрка намотал на барабан катушки метров двадцать неимоверно прочной миллиметровой жилки, как движение лесы замедлилось.

— Ну, сейчас начнутся спасательные работы. Придется водолазов вызывать, — подмигнул мне Сергей Леонидович.

Я понял его намек. Юркина рыбалка чаще всего так и кончалась: блесна цеплялась за какой-нибудь обломок скалы или корягу, и горе-рыбак, отвернув голенища сапог, забредал в реку, чтобы освободить злополучную колотушку.

И на этот раз Юрка бросил удилище на камни, и, выбирая провисшую жилку, вошел в воду. Но не успел он сделать и двух шагов, леса вдруг со свистом полоснула по воде и потянула Юрку на глубину. К чести нашего рыболова он не растерялся и захлестнул жилку за локоть. В ту же секунду огромных размеров рыбина свечой вылетела из воды и с громким плеском шлепнулась обратно в реку.

— Не давай слабины! Тяни! — закричал Сергей Леонидович. Правда, трудно было понять, кому адресован был этот совет — нашему Юрке или таймению. Каждый из них не хотел уступать своих позиций. Таймень старался освободиться от крючков и уйти в реку, Юрка же хотел заполучить обратно свою колотушку.

Еще дважды, тряся огромной, как колода, башкой, таймень выскакивал из воды. Но Юрка не уступал ему. Улучив момент, он проворно, петля за петлей, наматывал жилку на локоть.

Наконец таймень устал. Юрка, забыв о существовании удилища и катушки, принялся лихорадочно выбирать жилку руками.

Когда мы с Сергеем Леонидовичем перескочили ручей, чтобы помочь нашему рыболову, Юрка уже сидел верхом на бурой спине тайменя, прижимая голову страшилища к камням.

— Видали, как я его?! — сияя от счастья, произнес Юрка.

Нас разбирала черная зависть, но все же мы нашли в себе силы, чтобы восхититься первым Юркиным тайменем, который один стоил всех, выловленных с начала маршрута.

Мы продели сквозь жабры страшилища жердину и вдвоем приподняли рыбину. Юркин таймень весил не меньше тридцати килограммов.

— Таких рыбешек я еще не видал... — почтительно произнес Сергей Леонидович.

Для Юрки это было самой высшей похвалой. Еще бы! Сергей Леонидович уже десятое лето плавает по сибирским рекам и знает, как сладить с тайменем. Но даже у него не клевали такие гиганты, а вот Юрка поймал.

После полудня мы высадились на островке посредине реки и поставили палатку. Юркиного тайменя пришлось разделывать топором. Из одной только головы получилось ведро ухи.

Юрка отрубил похожий на конец весла таймений хвост и выудил из ухи утыканную острыми зубами челюсть.

— Приеду домой, покажу друзьям, какие таймени бывают, — сказал Юрка и отправился в палатку спать.

А мы с Сергеем Леонидовичем всю ночь жарили Юркиного тайменя. Казалось, что мы готовим обед на целую роту. Отгоняя сон, Сергей Леонидович бормотал себе под нос:

— Ох, Юрка, Юрка! Ну к чему такие шуточки? Ведь я же говорил: молоденьких...

Утром наш отряд покидал приютивший нас островок. Над лодкой, в которой сидели Сергей Леонидович и Юрка, на бечевке между двух мачт болталась связка тайменей вчерашнего улова и хвост Юркиного тайменя. Все это вялилось на ветру и солнце.

Когда мы устраивались на ночлег, то связку рыбы подвешивали у ствола какой-нибудь лиственницы. Юрка же всегда заносил таймений хвост в палатку. Он объяснял это просто: мол, дождь случится или от росы отсыреет, и не увидят приятели, какую рыбину он поймал в Курейке.

Однажды посредине реки нас застал дождь. Юрка поспешно отвязал хвост от бечевки и, чтобы уберечь его, сунул за пазуху.

— У тебя, Юрка, этот хвост вместо талисмана, — пошутил Сергей Леонидович.

Полмесяца мы плыли вниз по Курейке. Юркин талисман от солнца скрючился и стал желтым. Первозданная красота его померкла. И все-таки Юрка берег таймений хвост пуще глаза.

Наконец наши лодки пристали к берегу заброшенного поселка Курейского графитного рудника. Дальше путь преграждал самый большой на Курейке порог. Проскочить порог по сумасшедшим пенистым гребням кипящих волн и не распороть наши резиновые лодки на острых обломках скал было совершенно немыслимо. Предстояла нелегкая работа — перенести грузы и лодки по дороге, огибающей порог. А путь только в один конец — полтора километра.

Не успели мы высадиться на берег, как из высокой травы появились три любопытные собачьи морды.

— Смотрите, нас встречают! — сказал Юрка.

— Я больше обрадовался бы, если вместо этих прелестных собачек нас встречала бы лошадь, — ответил Сергей Леонидович. — С ее помощью мы мигом бы переправили всю поклажу за порог.

В заброшенном поселке жили трое гидрологов и радист. Это их собаки встречали нас на берегу. Псы были настроены очень дружелюбно. Они ходили за нами по пятам и деловито обнюхивали каждую вещь.

До вечера мы дважды проделали путь от поселка за порог. Перенесли лодки, палатку, тяжелые баулы с образцами и продуктами. И каждый раз туда и обратно нас провожали собаки гидрологов.

Заночевать решили в поселке.

А утром, распрощавшись с гидрологами, ушли за порог к своим лодкам. Собаки бежали рядом.

Пока мы грузили поклажу, собаки сновали между нашими тюками, забирались в лодки — словом, вели себя как настоящие хозяева.

Но вот все было погружено. По привычке, покидая лагерь, мы все трое обходили берег и внимательно осматривали, не забыли ли какую-нибудь вещь.

Вдруг Юрка нагнулся и поднял с земли кусок шпагата. В ту же секунду он с остекленелым взглядом запустил руку за пазуху и еле слышно прошептал:

— Хвост!

Мы сразу поняли все.

В сутолоке Юрка не заметил, как шпагат, на котором был подвешен таймений хвост, развязался и сполз с шеи. А собаки между делом расправились с ним по-своему.

— У-у, шакалы! — в отчаянии погрозил Юрка кулаком.— А с виду вполне приличные собачки...

Все три пса сидели рядком на почтительном расстоянии и с укоризной глядели на Юрку. Их умные, живые глаза, казалось, говорили: «Эх ты, растяпа! Такой талисман скормил. Чем же ты похвастаешь приятелям?..»

Как только Курейка вновь подхватила наши лодки, Юрка распотрошил свой рюкзак и, чтобы хоть немного утешить себя, извлек из него вываренную таймeнью челюсть.

ГОСТИНИЦА «ТАЙМЕНЬ»

Пожалуй, эту петлю, в которую завилась Чуня, запомнил каждый в нашем отряде. Какой-нибудь час мы плыли по реке, а солнце оказывалось то впереди, то сбоку, то сзади, то снова впереди. Если представить, что наш плот не толкает мотор и не несет река, а мы стоим на месте, то получится, что солнце сделало по небу полный круг и вернулось к своей исходной точке. Но так бывает лишь за Полярным кругом, и то в течение дня, а не за какой-то час.

А мы шли под мотором, и древняя Чуня подгоняла нас как могла. Когда солнечные лучи снова полыхнули по глазам, Сер-

гей взял в руки карту. Получалось, что мы проплыли десять километров.

...Едва мы завершили почти полный круг по Чуне, на ее правом берегу показался крошечный домик. Он был срублен из свежих окоренных сосен, и поэтому каждое бревнышко отливало золотом.

— Вот здесь и разобьем лагерь, — сказал Сергей. — Поработаем пару деньков — и дальше...

Вероятно, избушка была поставлена прошлым летом — толстая сосновая кора, которая устилала ее крышу, не потемнела, была такой же розоватой, как на деревьях, что росли вокруг. А на обращенной к югу стене с маленьким застекленным оконцем каплями липового меда застыла вытопившаяся смола.

И сам вид этого аккуратного домика, и надпись над входом — «Гостиница „Таймень"» рассказали нам многое: охотился ее хозяин удачно и был веселым человеком.

К вечеру мы с мотористом Алешей приготовили уху из ельцов и хариусов, поджарили пяток ленков. Рыбы здесь было много, ловили мы ее с таким азартом, что забыли про время. Спохватились лишь тогда, когда солнце притронулось к краешку сопки. Но все-таки до возвращения отряда успели приготовить ужин.

За ужином мы расхваливали Сергея за то, что он выбрал такое славное место для лагеря. Все было как в сказке — и эта удивительная избушка, и говорливый ручей на противоположном берегу Чуни, и остроконечная, похожая на шлем древнего воина, сопочка, возвышавшаяся в верховьях ручья.

— Интересно, видна ли гостиница «Таймень» с этой сопки? — спросил Андрей. — По прямой здесь километров семь, а по ручью и все двенадцать. Пожалуй, я завтра пойду туда, может быть, там выскочит фауна. Простукаю контактные зоны. А ты, Леша?

— Конечно! О чем разговор! — ответил моторист.

Я понял, почему Леша так быстро согласился идти в маршрут. У лагеря ему уже рыбачить неинтересно. А в омутах ручья Леша надеялся наловить черного хариуса — крупную сильную рыбу, которая в пору большой весенней воды поднимается в верховья таких вот безымянных ручьев.

...Утром мы проснулись от шума дождя. Частые капли гулко стучали по крыше палатки. Я выглянул наружу и не узнал места, где мы находились. Серая пелена дождя занавесила скалы на берегу Чуни, в рваных низких тучах спряталась сопка-шлем, стволы деревьев потускнели, а красивая река, в которой вчера купался перевернутый рожок месяца, стала рябой от дождевых капель.

— Кажется, сегодня пропали наши маршруты, — пробормотал Сергей.

Пробравшись в охотничью избушку, я затопил печурку, чтобы приготовить парням завтрак. Через пять минут стало тепло и уютно.

Когда на печурке зафыркал и начал брызгать кипятком чайник, пришли ребята.

— Ну вот, и впрямь гостиница «Таймень»! — весело проговорил Андрей. — А что, начальник, я все-таки пойду в маршрут. Плащи у нас новехонькие — не промокну. Как, Леша?

— Идем! — с готовностью подхватил моторист. — Не сахарные — не растаем. И потом, можно ведь где-нибудь под елкой костер развести — подсушиться.

Парни звонко стучали кружками по маленькому столику. Чайник, передаваемый из рук в руки, кружил по гостинице «Таймень» и, звякнув ручкой, успокаивался на печурке.

— А дождь-то, кажется, того... — многозначительно произнес Сергей, выглядывая за порог. Мы обступили начальника и тоже отметили, что дождь — «того». Лишь редкие тяжелые капли хлюпали в размокшем иеле, за рекой показалась макушка сопки.

Через четверть часа лагерь опустел. Гриша и Сергей ушли на скалы вверх по течению, Андрей и Леша переправились на резиновой лодке на другой берег Чуни, чтобы подняться по ручью к сопке. Я остался в лагере один. Неторопливо перемыл всю посуду и, томимый вынужденным бездельем, начал придумывать, чем бы заняться еще. Рыбу ловить не хотелось — мы с Лешей вчера сделали неплохой запас. А что если побродить с ружьем вокруг лагеря?

Эта мысль мне понравилась. Я обрядился в брезентовый плащ, закинул за плечо «ижевку» и зашагал от берега в тайгу.

Вначале мне попадались на пути поросшие соснами песчаные бугры, потом начался березняк. И тут я наткнулся на просторную полянку, по которой разбежались редкие березы. Возле одной из них я увидел целую семейку молоденьких белых грибов. Один за другим я аккуратно срезал грибы. Счистил с них мох и прилипшие хвоинки и только теперь понял, что сложить мне их некуда. В карманах плаща грибы помнутся. Нести в руках? А если найду еще?

Ничего не оставалось, как смастерить берестяной кузовок — благо берез тут хоть отбавляй.

Я быстро справился с этой работой и со знанием дела принялся обшаривать полянку. Грибы попадались довольно часто, да не по одному, а по три-четыре крепыша разом. Пройдя немного, я нашел вторую такую же полянку...

...Вскоре кузовок наполнился до краев и я начал терять грибы, пришлось делать другой. Я радовался тому, как удивятся парни, когда вернутся из маршрута и я угощу их жареными бо-

ровиками. Снова заморосил дождь и я, подхватив кузовки, спрятался под мохнатой елкой.

Потом дождь сменился мелкой моросью. Взглянув на часы, я удивился — моя грибная охота длилась уже три часа. Пора возвращаться в лагерь.

Натянув на голову капюшон плаща, я зашагал к реке. Жду, когда появятся песчаные бугры и сосны, но почему-то оказываюсь в болоте, поросшем высокой травой. За ним начинается темный ельник, где каждое дерево увешано бородами зеленоватого мха. Нет, видимо, иду не в ту сторону. Делаю поворот и целых полчаса иду по прямой, не сворачивая никуда. Лес становится еще угрюмее — корявые лиственницы и те же темные ели обступают меня со всех сторон. То и дело смотрю на часы и отмечаю, что стрелки бегут с необычайной быстротой — вот-вот начнет смеркаться. А тут еще эта морось из низких туч и никакого признака солнца, чтобы сориентироваться. И почему я забыл про компас, когда уходил из лагеря?

Я понял, что заблудился. Меня окружал чужой, незнакомый лес. Но как можно заблудиться, если я хожу в речной петле — куда бы ни направился, обязательно выйду к реке. Снова делаю поворот и иду, иду, иду, пока совсем не выбиваюсь из сил. А реки нет, и никакого просвета среди деревьев, ни скалы, ни сопки — всюду серая дымка мороси.

Стрелки часов показывают семь. До сумерек в запасе еще час. Наконец приходит самая здравая мысль — приготовить ночлег. Разыскав бугорок посуше, я начал таскать валежник для костра. Уже собрал солидный ворох, когда вспомнил о постели. Принялся ножом резать еловый лапник. Постель получилась как на пружинах.

Я прилег на лапник и стал дожидаться сумерек, чтобы потом в темноте разжечь костер. Вдруг над головой услышал какой-то шорох. Поднял глаза и увидел, как на сук у самого ствола лиственницы, что росла в нескольких шагах от моего лежбища, уселся ястреб. Он встрепенулся, стряхивая с себя капли дождя, и неторопливо подобрал крылья. Желтый глаз птицы уставился прямо на меня. Что-то жуткое было в этом взгляде. Мне показалось, что ястреб прилетел сюда специально, чтобы выдворить меня из своего леса. Вот сейчас он снова встрепенется и в тишине раздастся его клекот.

И тут я вспомнил о ружье. Ну как же я мог забыть о нем! Надо выстрелить, и парни ответят, ведь у них тоже есть ружья. Поймут, что я попал в беду, и ответят!

Я вскакиваю на ноги, хватаю «ижевку» и с перерывами, которые уходят только на перезарядку стволов, начинаю стрелять в воздух. После первого дуплета ястреб исчезает в кронах

деревьев. Потом второй дуплет и третий. Долго вслушиваюсь, не прозвучит ли ответный выстрел. Но тайга по-прежнему безмолвна.

Грохот двустволки придал мне новые силы. А почему я должен валяться на этом лапнике и ждать, когда стемнеет? Потом меня начнут искать и стрелять из ракетницы. Ведь я могу снова идти, никуда не сворачивая. Я же со всех сторон окружен рекой. Надо идти, только идти!

Подхватываю кузовки с грибами и ухожу от незажженного костра и мягкой еловой постели.

Через какие-нибудь пятнадцать минут натыкаюсь на спиленную вершину сосны. Оглядываюсь кругом и в нескольких шагах вижу гостиницу «Таймень». Это на ее постройку понадобился ствол.

К моему великому удовольствию, парни еще не вернулись из маршрута и я успел приготовить большую сковороду грибной солянки...

Поздно вечером в избушке охотника засветилась керосиновая лампа. Гриша, подгребая ложкой грибы со сковородки, как бы между прочим сообщил:

— Пока мы с Сергеем описывали обнажение, эвенк на ветке[1] подъехал. А тут пальба началась совсем рядом с нами. Эвенк говорит: «Беда, ребята! Кого-то выручать надо». Мы даже посмеялись: выручать? У нас, говорю, все таежники бывалые, не заблудятся. Кстати, не ты ли это грохотал?

— К ужину вас звал, — ответил я. — Заодно пристрелял ружье.

— Ну и как, кучно бьет? — оживился Гриша.

— Подходяще...

В тот вечер я дал себе зарок без компаса в лес не ходить, даже если этот лес в речной петле, а на берегу стоит симпатичная избушка.

СОКОЛИНЫЕ СКАЛЫ

Порожистую заполярную речку Деген не на всякой карте и найдешь. На одних ее вовсе нет, а на более подробных картах увидишь небольшую синенькую закорючку. Но для меня эта закорючка по-своему дорога.

В конце июля наш отряд на двух лодках вошел в устье Дегена. Неподалеку от устья по левому берегу высится бурая скала. У ее подножия — осыпь из ребрастых, поросших зелеными лишай-

[1] Ветка — эвенкийский челнок из бересты.

никами камней. Затем иссеченный трещинами отвесный утес и на вершине открытые всем ветрам редкие кедры.

Пока мои товарищи-геологи стучали молотками внизу, откалывая образцы, я по осыпи обошел скалу и с другой стороны выбрался на вершину.

Едва я перевел дух, как со стены обрыва сорвалась какая-то птица, чуть крупнее голубя, и, пронзительно клекоча, принялась кружить надо мной. Я подошел к краю пропасти, чтобы посмотреть, нет ли гнезда, и в ту же секунду, со свистом рассекая воздух, над моей головой пронеслась вторая такая же птица. По черной шапочке и темным «усам» я узнал в ней сокола-сапсана.

На небольшом уступе обрыва я увидел гнездо, вернее подстилку из сухих прутиков, а на ней трех пушистых белых птенцов. Птенцы, вытянув свои шейки, грелись под лучами заходящего солнца.

При виде столь мирной картины первым моим желанием было сфотографировать гнездо. Но сделать это оказалось не так-то просто. Не зря же родители соколы устроили гнездо на отвесной стене.

Я начал соображать, как лучше подобраться к соколятам. Самое простое — привязать к стволу кедра веревку и по ней спуститься вниз.

Цепляясь за корявые ветви, я начал нащупывать ногой невидимые опоры. Мелкие камешки дробно посыпались вниз. Мох, покрывавший каменные уступы, сползал клочьями. Ольховый куст — единственная моя надежда — изогнулся всеми ветвями и едва не обломился у самого корня.

К счастью, никто не видел моих упражнений в воздушной гимнастике. Ведь за это меня бы не похвалили.

Я опустился метра на четыре вниз, до гнезда оставалось столько же. Далековато, но ничего не поделаешь. Я несколько раз щелкнул затвором аппарата. Соколята, потревоженные моей возней, вытягивали тоненькие шейки и менялись местами. А мне только это и нужно.

Тем же путем я вернулся на вершину скалы. Родители сапсаны не унимались ни на секунду. Они яростно клекотали и проносились в нескольких метрах над моей головой. Чтобы не тревожить больше птиц, я по осыпи спустился к берегу Дегена.

Через две недели мы были уже далеко от этой чудесной речушки. Наш отряд плыл на моторной лодке вверх по Нижней Тунгуске. В пятнадцати километрах от острова Монастырского подвесной мотор несколько раз чихнул и, выпустив облако синего дыма, замолк. Пришлось причаливать к берегу и перебирать капризный механизм.

В то лето во всех реках держался высокий уровень воды. Вода билась о неприступные стены скал и глухо ворчала.

Неподалеку от нашей вынужденной стоянки каменной грудью встречала поток одна из таких скал. Ее вершина разделялась на несколько граненых столбов. И на одном из них я увидел сапсана. Он казался высеченным из камня.

Птица сидела неподвижно. Но я знал: ее зоркие глаза видят все, что происходит вокруг. Сапсан в любой миг был готов встретить непрошеного гостя. Он охранял свое гнездо, в котором наверняка находились соколята. Но со стороны реки их не увидишь, а сверху гнездо надежно защищено отвесной скалой.

Пока я любовался сидящим на каменном столбе соколом, из-за поворота реки вынырнула моторная лодка. Она совсем не походила на остроносые рыбачьи лодки, которые неторопливо бегают по Енисею и Тунгуске. Выкрашенная в грязно-зеленый цвет, с обрубленной кормой, эта посудина походила на старинный купеческий сундук.

В лодке сидели двое. Один держал руль, другой полулежал на передней скамье и, втянув голову в плечи, смотрел вперед. Надвинутый на глаза козырек фуражки придавал этому человеку вид старого злобного ворона.

Лодка шла вниз по течению.

Вдруг передний махнул рукой мотористу и знаками начал что-то объяснять ему. Человек у руля сбавил обороты мотора, и странная посудина, очертив на середине реки широкую дугу, стала приближаться к соколиной скале.

Мы перестали копаться в своем моторе и с любопытством следили за непонятными маневрами лодки. Казалось, всей своей громадой скала надвигается на это утлое суденышко, и через минуту-другую столкновение будет неизбежным.

Но тут в руках переднего холодной молнией сверкнул на солнце ружейный ствол. Человек быстрым движением вставил приклад в плечо и начал целиться.

Вмиг нам все стало ясно. Страж каменного столба — сокол — попался на глаза речному пирату.

«Лети! Ну что ты медлишь!» — подумал каждый из нас. Но сокол словно врос в камень.

Стремительная струя порохового дыма вырвалась из ружья, и через секунду эхо донесло до нас звук выстрела. Сокол камнем ринулся вниз. Сидевший у руля отвернул лодку от белых бурунов, которые кипели под скалой.

Но что это? Над самой лодкой падающий сокол расправил крылья и взмыл в небо.

«Жив!» — облегченно вздохнули мы. — «Браконьер промахнулся!»

Победно клекоча, сапсан кругами набирал высоту.

А Тунгуска, словно мать, охраняя все живое на своих берегах, торопливо уносила вниз грязно-зеленый сундук.

Перебирая свои фотографии, я подолгу смотрю на снимок соколят с Дегена. И всегда в такие минуты перед глазами встает недремлющий страж каменных столбов, смело ринувшийся с высоты навстречу смертельной опасности.

НОЧНЫЕ СТРАХИ

В Сурингде старый эвенк-охотник Ефим Туруханенок предостерегал нас:

— Поглядывайте по берегам, ребята. Рыбу ли будете ловить или камни свои искать, а, однако, поглядывайте. Речка-то наша шумливая, а медведь босой — тихо ходит. Подкрадется и сграбастает. Дорога у вас не близкая, поглядывайте.

— И много ли их на Сурингде, босых-то? — спросил Сергей.

— А кто их считал? — вопросом ответил старик. — Попадаются...

— Не беда. Как-нибудь отобьемся, — не очень уверенно заверил дядю Ефима Сергей. — У нас ружьишко есть и вот эта штука сгодится, если с мишкой обниматься придется. — Он похлопал рукой по кобуре пистолета.

Старый эвенк долго стоял на берегу Сурингды и смотрел нам вслед, пока лодки не скрылись за речным поворотом.

Пристав к берегу, я вспомнил слова старого эвенка и «поглядывал». Но кроме вывороченных ветром корней и бурых моховых кочек, которые походили на затаившегося медведя, ничего подозрительного не встречалось. Лиственницы на речных берегах стояли редко, и тайга просматривалась довольно хорошо.

С каждым днем наши резиновые лодчонки все дальше уходили вниз по реке. Постепенно напутствия дяди Ефима забывались. И только по вечерам, когда мы забирались на ночлег в палатку, Сергей, больше по привычке, заряжал ружье пулевым патроном и клал его себе под бок.

Осень двигалась к югу быстрее наших лодок. От ночных заморозков порозовели кустики карликовых березок и голубичника, порывы ветра кидали на воду сорванные с осинок золотые листья. Смоченные дождем опавшие листья, яркими заплатами сверкали на тугих баллонах наших стареньких лодок.

Однажды мы встали лагерем у обрывистой скалы. Уже начало смеркаться, когда удалось отыскать более или менее ровную площадку и поставить палатку. Пока я возился у костра, Сергей решил пройтись по берегу со спиннингом. Вскоре он вернулся, и мы сели ужинать.

— А ты знаешь, — как бы невзначай проговорил он, — медведи здесь все-таки есть.

Я решил, что друг хочет немного попугать меня на ночь, и в тон ему ответил:

— Ага! Ходят тихо-тихо, потому что босые.

— Да я серьезно говорю. На песчаной косе след видел. Во! — Сергей вытянул ногу и повертел носком сапога. — У меня сорок второй, а у мишки, пожалуй, сорок шестого размера ножка. Я примерял свой сапог к его следу.

В этот вечер, забравшись в спальные мешки, мы долго не могли заснуть. И какой бы разговор ни начинали, обязательно заканчивали его историей с медведем. Конечно, в этих историях участвовал кто-то другой, не мы.

Потом Сергей все же уснул и перестал отвечать на мои вопросы. А я еще долго таращился в темную крышу палатки, над которой мерцали холодные звезды.

Река плескалась в нескольких шагах, и мне все время чудилось, что по мелководью шлепает медведь. Струи бились о камни с монотонным всхлипыванием, и я тоже незаметно уснул.

Не знаю, долго ли я спал, как вдруг проснулся и отчетливо услышал непривычный звук: «Уок!». Я высунул голову из мешка, прислушался. Все так же тихо плескалась вода в реке. «Видно, пригрезилось», — решил я наконец. И уже было собрался опять натянуть на голову мешок, как снова громко, у самой палатки, раздалось: «Уок!»

Мысль заработала с необычайной быстротой. Ну да — это медведь! Он шел своей обычной дорогой вдоль реки и наткнулся на нашу палатку. Певый раз он рявкнул от удивления, учуяв, что кто-то вторгся в его владения. Затем долго молчал, услышав, как я выбираюсь из спального мешка. Второй раз рявкнул перед тем, как наброситься на нас.

Чтобы опередить страшного зверя, я наваливаюсь на Сергея, выхватываю из-под него ружье и взвожу курок.

— Тихо, — шепнул Сергей. — В чем дело?

— Рявкнул кто-то, два раза...

— А не приснилось?

— Нет! Слушал с открытыми глазами, — заверил я, не сообразив, что брякнул заведомую глупость, как будто нельзя слушать с закрытыми глазами.

— Ладно! Если это и в самом деле медведь, то сейчас мы его отвадим.

Кряхтя, он вылез из спальника, расстегнул кобуру пистолета и загнал в патронник патрон. Затем откинул дверку палатки и, выставив руку, дважды выстрелил. Дробное эхо, отдаваясь от каменных утесов, покатилось вверх и вниз по реке.

Мы слушали, не затрещат ли сучья под ногами зверя. Но за матерчатыми стенами палатки все было по-прежнему тихо.

— Я так и знал, что приснилось, — бурчал Сергей, застегивая у подбородка спальник. — Эк, грому-то наделали. Ладно, спи дальше.

Утром меня растормошил Серега:

— Ну ты и спать. Я тебя специально разбудил, чтобы заикой не сделать. Стрелять сейчас буду твоего медведя...

— Погоди, дай мне взглянуть, — ободренный сном и солнечным светом расхрабрился я.

Пока Сергей выставлял из палатки ружейный ствол, я осторожно подполз к порогу и выглянул.

На берегу, рядом с нашим казаном, что висел над угасшим костром, стояла копалуха. «Уок, уок'» — тревожно квохтала она. Наверно, наша возня в палатке беспокоила ее.

— Смотри-ка, сама в котел просится, — проговорил Сергей и поднял ружье.

— Не надо! — взмолился я. Да и как можно было стрелять, если страшный ночной зверь оказался безобидной птицей.

Когда мы выбрались из палатки, с берега поднялся глухариный выводок. И вместе с бодрым грохотом крыльев в тайгу улетели все ночные страхи.

ТАЕЖНЫЕ СУВЕНИРЫ

На моей книжной полке есть уголок, куда я не ставлю книг. Сюда я складываю вещицы, с которыми связана какая-нибудь история.

Клешня черноморского краба напоминает мне о том, как я впервые нырнул с маской на морское дно. Кусочек графита я подобрал в старой штольне Курейского рудника. Расклеванную кедровую шишку нашел на берегу таежной речки Амундакта. А цветок синего сибирского подснежника засушил в начале короткого северного лета на Нижней Тунгуске.

Есть среди моих сувениров патрон от боевого карабина и маленькая блесна «Байкал». Эти вещицы я привез из последней экспедиции.

Геологический отряд, в котором я работал, гидросамолетом был заброшен на озеро Северное. Отсюда на лодках мы должны спуститься по реке Северной до Нижней Тунгуски. За месяц предстояло проплыть более трехсот километров.

Места здесь глухие. Люди встречаются редко. Разве что эвенки-оленеводы. Да и то неизвестно, пасут ли они в это время оленей у Северной.

...Уже двадцать дней речные струи плещутся о тугие борта наших резиновых лодок. Двадцать ночей над крышей нашей палатки то проносятся плаксивые дождевые тучи, то в звездном небе повисает крутогорий месяц. Еще десять таких дней и ночей, и мы придем на базу, где встретим своих друзей. А пока — на сотни верст безлюдная тайга и тихое журчание реки на перекатах.

Однажды на исходе дня мы начали присматривать место для ночлега. И вдруг на правом берегу реки увидели остов чума.

Когда мы причалили к берегу, сразу же стало ясно, что здесь до нас был лагерь геологов. Мы нашли комплект использованных батарей для рации и несколько этикеток, какие геолог кладет вместе с образцом в мешочек, чтобы точно знать, откуда отколот камень.

Эту стоянку неизвестный отряд покинул утром или накануне нашего появления на берегу. Даже золу в костре еще не развеяло ветром.

Настроение у нас поднялось сразу. Мы не одни на Северной, значит можем встретить людей.

Заночевали на этом обжитом берегу, а утром снова тронулись в путь. Но теперь каждый из нас, выходя из лодки, внимательно присматривался — не отыщутся ли новые следы идущего впереди отряда.

Днем мои друзья ушли в маршрут к сопке, что в двух километрах от левого берега реки. А мне поручили наловить к ужину хариусов.

На карте я отыскал неподалеку от нашей остановки безымянную речку. Там и решил походить с удочкой.

Речушка оказалась совсем не такой, какой я себе представлял. Вдоль ее берегов течение лениво покачивало длинные подводные травы. Если и была в ней рыба, то где-нибудь в верховьях, на каменных перекатах. А здесь, сколько я ни забрасывал удочку, не встретил ни одной рыбешки.

Спускаясь вниз по берегу, дошел до устья. И тут вновь обнаружил стоянку геологов. Неподалеку от кострища торчали вбитые в землю колышки двух палаток.

Я обошел покинутый лагерь и спустился к реке. На берегу

лежали два спиннинга в полной оснастке. Они были оставлены так, словно люди отлучились на несколько минут и скоро должны вернуться.

Но я знал, что они не вернутся, — костер был залит водой: так поступают, когда уходят совсем.

Я взял забытые спиннинги, надеясь, что, может быть, мы нагоним неизвестный отряд и я смогу сделать людям приятное — вернуть им их снасти.

Три дня поверх грузов в моей лодке лежали спиннинги. И все эти три дня, высаживаясь на берег, мы по-прежнему старались не пропустить какой-нибудь след отряда геологов. Но больше следы не попадались. И мы уже решили, что за отрядом прилетел гидросамолет и геологи давно вернулись на свою базу. Но на четвертый день к полудню в конце длинного плеса, под высокими лиственницами, мы увидели две белые палатки. Возле них дымился костер, и трое людей, заметив наш «флот», в изумлении замерли на берегу.

Встречная волна сводила на нет скорость течения. Мы налегли на весла, чтобы помочь реке, и через полчаса уже пожимали руки геологам эвенкийской экспедиции из Красноярска.

В их отряде было столько же людей, сколько и в нашем. Геолог Антонина Андриановна, радист Виктор Королев и рабочий Виктор Захаров, которого, в отличие от Виктора-радиста, в отряде в шутку звали Захаркой.

Через минуту стало ясно, что мы встретили настоящих друзей. Они вот уже полтора месяца как не видели людей, мы — двадцать пять дней. Мы говорили, говорили и не могли наговориться. Разошлись по своим палаткам, когда в костре потухли последние угли.

Наутро нам надо было отправляться дальше, а за их отрядом в этот день прилетал самолет.

Когда наши лодки были загружены, я отдал обоим Викторам их спиннинги и спросил:

— А что мне за это будет?

Мне очень хотелось заиметь что-нибудь в память об этой встрече в глухой тайге.

А парни, видно, решили, что я прошу «выкуп» за то, что подобрал и вернул их вещи. С минуту они шептались. Видно, моя просьба их немало озадачила. Наконец совещание закончилось и Виктор-радист сказал:

— Бери нашу тозовку [1].

[1] Тозовка — мелкокалиберная винтовка.

Такой подарок за пустяковую услугу я взять не мог. А остаться без сувенира, на который напросился сам, уже было неловко.

— Да мне хоть спичку... На память... — промямлил я, жалея, что затеял этот разговор.

Вероятно, вид у меня был настолько удрученный, что оба Виктора сперва вежливо улыбнулись, а потом, не в силах сдержаться, откровенно расхохотались.

— Так бы и говорил! А то — «что мне за это будет»... Такого чудака, как ты, первый раз в тайге видим.

Покопавшись в сумках, парни выложили передо мной патрон от карабина и маленькую желтую блесну «Байкал».

— Патрон усиленный, — сказал Виктор-радист. — Я таким только медведей стреляю, когда забредают в лагерь.

— Блесна тоже не простая — павловская, — от себя добавил Захарка. — Ее привез мне из Москвы знакомый геолог. Он купил ее на Птичьем рынке у старика Павлова. Есть такой в Москве старичок, сам блесны делает и на каждой букву «П» выбивает. Уловистая блесенка, потому и дарю тебе. На нее и тайменя, и ленка, и хариуса поймаешь...

Я поблагодарил своих новых друзей за сувениры, и наш отряд тронулся в путь.

Но я не собирался ловить на эту блесну. Я знал, что она вместе с боевым патроном займет свое место на моей книжной полке.

Сумеречными зимними вечерами, когда порывы ветра скребутся колючими снежинками в мое окно, я достаю с полки таежные сувениры.

Стоит потрясти над ухом патрон, и в шелесте пороха мне чудится шепот могучих кедров на берегах Северной. А павловская блесна, совершившая путешествие от Москвы до Нижней Тунгуски и обратно через всю страну, лежит в такие минуты у меня на ладони и хитро подмигивает красным глазком: ну что, вымогатель, опять в тайгу захотел?

СВАРЛИВАЯ КАПЛЯ
(сказка)

Над лесами, над горами плыла мрачная, темная туча. Она была похожа на старую грязную швабру. И там, где проплывала туча, исчезало солнце. Туча цеплялась за вершины гор и деревьев, сеяла мелкий холодный дождь и глухо ворчала громовыми раскатами на ветер:

— Если бы не ты, ветер, я была бы полной владычицей тайги.

Но ветер не слушал старую ворчунью. Он весело свистел в ущельях скал и гнал тучу к океану.

И там, где пробегал ветер, снова появлялось солнце. Птицы начинали распевать свои песни, а звери выбирались из нор и укрытий.

Когда туча проплывала над таежной рекой, она расплакалась. Крупные дождевые капли с печальным плеском падали в реку, бесшумно ныряли в мягкий мох. Туча плакала потому, что ей не суждено было стать хозяйкой реки и владычицей могучих кедров, которые росли на берегах.

Только отдельные капельки дождя повисали на иголках кедров. Но и у них жизнь была недолгой. Одни капли сдувало порывом ветра, другие высыхали под лучами солнца.

Давно унес ветер старую ворчунью тучу. Скрылось за горами солнце. На чистом ночном небе засверкали звезды. Смолкли птицы, уснули звери. И только река тихо плескалась в берегах и несла свои воды к морю.

Но туча не исчезла бесследно. У самой вершины кедра прицепилась к хвоинке одна-единственная дождевая капля. Она уцелела потому, что добрый кедр пожалел ее и заслонил своими ветвями от ветра и солнца.

Кедр не знал, что у маленькой капли такой же сварливый характер, какой был у ее матери тучи.

Едва на землю опустилась ночь и звездный свет заиграл в капле, она ожила.

— Река! — закричала капля. — Остановись! Мне не нравится твой унылый плеск.

— Мне нельзя останавливаться, — отвечала река, — меня ждет море.

— Подумаешь, море! — сказала капля. — Оно так же как и ты состоит из моих сестер капель. У всех нас одна мать — туча. Не будет капли, не будет и реки. Без капли ты ничего не можешь сделать.

— Нет, малышка, — ответила река, — даже тысячи дождевых капель не заполнят мои берега. Меня высоко в горах рождают ледники и солнце, которое топит лед. Для того чтобы напоить тысячи зверей и птиц, чтобы не разбиться на водопадах о скалы, чтобы носить корабли, надо быть все-таки рекой. Никакой капле такая работа не под силу.

Сварливая капля не нашла что ответить реке и замолчала. Но в это время где-то далеко в горном ущелье сорвался камень. Эхо донесло гул, похожий на раскаты грома, которые рождала туча. И капля снова ожила. Сверкнув холодным светом далеких звезд, она крикнула:

— Река, ты думаешь, что маленькая капля ничего не может? Хочешь, я разбужу всю тайгу?

Но река ничего не ответила. Она торопливо бежала к морю. Тогда капля оторвалась от хвоинки кедра и ринулась вниз. Она думала, что, когда она ударится о землю, раздастся такой же грохот, с каким падает лавина камней в горном ущелье.

Но какой же грохот может быть от маленькой капли? С еле слышным стуком она упала на сухой лист и рассыпалась.

И все же не зря капля была дочерью старой ворчуньи тучи. Звук упавшей капли разбудил спавшую под листком лесную мышь. В тишине ночи крошечному зверьку этот звук и в самом деле показался раскатом грома. Мышь пискнула в испуге и бросилась в темную норку.

В норе коротал ночь бурундук. Спросонья мышь показалась ему страшной куницей.

Бурундук выскочил из своей норы и вскарабкался на старую ель. Среди темных еловых лап устроилась на ночлег куница. Бурундук не знал этого и, скрываясь от невидимого врага, упал на спину спящей куницы.

Но разве куница могла знать, кто на нее напал? Она испугалась ничуть не меньше, чем бурундук мыши. На всякий случай куница лязгнула зубами и откусила хвост бурундуку.

Спасаясь от невидимой погони, куница поскакала с ветки на ветку, с дерева на дерево.

Под лиственницей устроилась на ночлег косуля. Едва под лапками куницы качнулась веточка, косуля вскочила на ноги и умчалась в тайгу. Ей почудилось, что сверху на нее прыгает страшная рысь.

Не разбирая дороги мчалась через тайгу косуля. Ее острые копытца звонко стучали по камням.

Цокот копыт косули разбудил волка. Ему почудилось, что к логову бегут люди.

Волк шарахнулся в кусты и скатился в темный овраг. А там дремал хозяин тайги — медведь.

Не понравился медведю ночной шум. Пошел он искать того, кто его сон нарушил.

Вышел к реке и видит: стоит на берегу палатка человека.

«Так вот кто мне спать не дал!» — подумал медведь и решил раскидать палатку.

Но рядом с человеком был его верный друг — собака. Чуткие уши собаки слышали все. И как последняя капля упала на сухой лист, и как пискнула мышь, и как заверещал перепуганный бурундук, и как лязгнула зубами куница, и как стучали копытца косули, и как волк скатился в овраг, и как медведь подошел к палатке человека.

Верный пес разбудил своего хозяина. Человек взял винтовку и выстрелил в ночное небо.

И снова в тайге стало тихо.

Правда, бурундук остался без хвоста, косуля сломала рог, а глупый и нахальный медведь едва не умер от страха, когда кубарем скатился с горы. И всему-то виной была маленькая сварливая капля.

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Михайлович Данилов

БРАТЕЛКИ

Рассказы

Для среднего школьного возраста

Редактор Л. Ю. Минина. Художественный редактор Л. Н. Дегтярев. Технический редактор С. М. Паль. Корректор В. Н. Григорьева.

ИБ № 1608

Сдано в набор 29.10.86. Подписано в печать 14.01.87. Е-00016. Формат $60 \times 84^{1}/_{16}$. Бумага обложечная. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 5,58. Усл. кр.-отт. 6,16. Уч.-изд. л. 6,382. Тираж 30 000 экз. Заказ 731. Изд. № 142. Цена 30 к. Сортавальская книжная типография Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 186750. Сортавала, ул. Карельская, 42. Обложка отпечатана в Республиканской ордена «Знак Почета» типографии им. П. Ф. Анохина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 185630. Петрозаводск, ул. «Правды», 4.